

АННЭР К.

**КРУЖЕВО
НЕПРИКАЯННЫХ**

К. Аннэр

Кружево неприкаянных

«Языки Славянской Культуры»

2014

Аннэр К.

Кружево неприкаянных / К. Аннэр — «Языки Славянской
Культуры», 2014

«В каждой стране, в любую эпоху всегда есть сильные, смелые, мудрые люди, неподвластные обыденности и устремленные к иным горизонтам, которые всей своей жизнью, личным примером указывали остальным цель и путь, придавали смысл жизни и бытию...» Но всегда! Отшельники, рыцари, короли, мудрецы, святые... поэты, философы... люди «беспокойного присутствия», часто становятся чужаками в «глазах других людей» и неприкаянными странниками в родном отечестве, поскольку «нет пророков» в нём...

Составитель издания

© Аннэр К., 2014

© Языки Славянской Культуры, 2014

Содержание

Часть первая	5
Дом	5
Трасса	15
Дом	19
Трасса	23
Дом	26
Трасса	34
Храм	38
Дом	41
Храм	43
Дом	47
Трасса	50
Дом	52
Трасса	58
Штаб	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Аннэр К

Кружево неприкаянных

*Кружась цепляясь задевая
Толкаясь издеваясь убивая
Любя бросая ненавдя
Нежнейше прикасаясь отвергая...
Тончайшем кружевом переплелось
Всё здесь
И вновь и вновь
В одно мгновенье
И жизнь и смерть
и слёзы и любовь*

Часть первая

Любовь...

*«Всё что появится
исчезнет
и всё что исчезнет
появится
и сколько раз появится
столько раз и исчезнет.
Но что бы
ни возникало
и что бы ни исчезало
не исчезнет
само возникновение
и исчезновение...»*

Дом

Старческая рука... – сплетения выпирающих вен, накрытых сетью разноглубоких морщин – достигает дверной ручки, обхватывает её и осторожно тянет тёмную, в пятнах и трещинах... массивную дверь.

«Господи, спаси и сохрани», – шепчет пожилая дама, осторожно ступая в открывшееся пространство, она совершает ровно шесть шажков от входа, затем поднимает ногу на ступеньку, опирается на неё, подтягивает другую ногу, заносит на 18-дцать сантиметров ровно вперёд и... опускает ботиночек

точно на остаток ступени с повышенным содержанием смолистых веществ. Наверное, сук рос – все сгнило, а он, островок износоустойчивости, остался в доске, которая когда-то была сделана из хвойного дерева и прибита в своей маленькой, буквально восьмисантиметровой, части.

Первые две ступени подгнили, но дальше можно не выбирать, третья – уже отлично, а остальные – просто превосходно!

Сохранились.

Ровно пять шагов по скрипучей лесенке, затем рука вытягивается кистью вперёд с поджатыми пальцами вниз и толкает... снова дверь, звук лёгкого удара костяшек о дерево... и никакого скрипа, просто тихо открывается. Старушка входит в комнату.

«Спаси господи... сохрани... Танечку, Фанечку, Анечку, Лерочку..., – тут она делает паузу, занявшую ровно три шага, потом продолжает, уже не делая пауз, – Маняшу-микеш-у-вилешу-игорька-марика-гошеньку-кирилла-олега-мартина-сергея-павлапетровича-васичку-галочку-наташу-володю-волочку-стасика-иришу-вадика-дашу-водопроводчикавлада..., – переводит дыхание, – да и вообще всех, кого я забыла, но ты их знаешь. Вот я и дома», – старушка завершает молитву.

Она опускает руки на спинку широкого массивного кресла.

Кресло состоит из трёх подушек: на двух сидишь, а на третью облакачиваешься спиной; его можно превратить в узкую лежанку, разложив подушки горизонтально, но никогда не удавалось сделать это ровно – в местах сочленения всегда образуются провалы, и тело, теряя опору, вначале напрягает мышцы, но быстро устав, расслабляет их и изгибается в согласии с трёхчастными неровностями ложа. И если телом долго не шевелить, то оно, согласно выпукловогнутостям, перекашивается, и потом, когда надо встать, внутри тела что-то хрустит, болит и отказывается сразу вернуться в бодрое равноактивное состояние. А вот в положении «кресла» это сооружение – широкие подлокотники, спинка, сиденье не очень мягкое, но и не слишком жёсткое... читать книжку, поглядывая в сторону сидящих за круглым столом, как, например, делала её дочка, или просто заснуть, не дождавшись окончания кино или телепередачи, что часто происходило с её внучкой Катей, очень, ну просто даже оччч-ч-чень удобно – можно поджать ноги, можно свернуться клубочком, можно развалиться, раскинув руки, а можно просто заснуть уткнувшись в мягкую подушку, положив её на подлокотник.

Дом появился в начале XX века, в те времена, когда интеллигенция строила вокруг столицы свои дачи. Всего они успели выстроить 283 дачи на всем протяжении побережья залива... ну-у... может, 284 или даже 280 пять... шесть... да кто их считал!

Возведение дома было завершено «предпоследней осенью последнего года», – так сказал Сергей Львович Корзунов, хозяин и строитель.

Первые год-два после постройки дом ещё должен «уссесться, усс-стояться и...» и... – только после этого внутренняя отделка и убранство могут приобрести своё завершение. Но кто будет «усседать» и «усстоять»? Самим? В сырости и неустроенности?... Слава богу, есть дальние родственники... по линии супруги, которая когда-то, молодая, статная, ясноглазая, приехала в Питер поступать на Бестужевские курсы из далёкого губернского городка на берегу огромного озера. Она успешно поступила на историко-филологическое отделение, успешно завершила учёбу и успешно начала жизнь, навсегда став «бестужевкой», одной из...

6996 слушательниц, окончивших к 1914 году, начиная с 1878-го, Бестужевские курсы. «Бестужевки» – это от К. Н. Бестужева-Рюмина, племянника декабриста М. П. Бестужева-Рюмина. В 1889 году, когда К. Н. Бестужев из-за болезни покидал свой пост, слушательницы первых восьми выпусков преподнесли ему адрес, в котором значилось так: «Все поколения соединились здесь, чтобы принести Вам душевную благодарность за тёплое доверие к искренности наших стремлений учиться университетской науке и к нашим способностям. Вы учили нас, что влияние женщины громадно как в семье, так и везде, где только ей приходится действовать, и не в узкой специальности, но в общем всестороннем образовании личности... Ваше имя не умрёт, но будет передаваться от одного поколения слушательниц к другому».

Среди тех, кто окончил курсы, были академики О. А. Добиаш-Рождественская и П. Я. Кочина, писательница Е. Н. Верейская, актриса Е. И. Тиме, революционерки – Н. К. Крупская, А. И. Ульянова-Елизарова, А. А. Фотиева, П. Ф. Куделли, К. Н. Самойлова, здесь учились сестры Елена и Вера Фигнер и многие другие замечательнейшие женщины России...

«Боже, какие удивительные люди жили», – шепчет старушка, передвигаясь в межмебельном пространстве комнаты...

Высоко вверх уходящие шкафы с множеством дверей различного размера... в одни вносят и выносят верхнюю одежду, другие открывают доступ к выдвигающимся ящикам, в которых могут быть другие дверцы и ящички. Шкафы массивные, широкие, с толстыми стенками и резными панелями... В основании ряд одинаковых по высоте, но различных по ширине дверей, затем ряд, в котором деревянные дверцы чередуются с дверцами застеклёнными, за которыми видны полки, а на полках расположились чашечки, фарфоровые статуэтки, шкатулочки, бронзовые фигурки, а есть ещё дверцы, за которыми на стеклянных полочках стоят всевозможной конфигурации рюмочки, стопочки, бокалы, бокальчики и фужеры, в несколько рядов, тесно прижавшись друг к другу.

Рука старушки тянется к пузатому затейливому графинчику с тёмно-коричневой жидкостью, другой рукой достаётся гранёная стопка... в неё плавно перетекает жидкость из графинчика и далее в старушкин рот, который она с явным удовлетворением закрывает, затем осторожно возвращает всё на свои места, а рот аккуратненько вытирает кружевным платочком.

В графинчике настойка трав, собранных частично лично ею, частично под её мудрым руководством, частично просто купленных в ближайшей аптеке. Вначале трава сушится, затем мельчится, затем плотно насыпается в стеклянную банку, затем банка наполняется водкой самостоятельного приготовления, то есть самогонкой, которую умели делать в этом доме, умели во все времена, даже в самые голодные. Всегда есть! что-то, что гниёт, а гниёт – значит бродит, а бродит – значит, есть конечный продукт брожения, из которого и получаем необходимый напиток посредством аккуратной возгонки с последующей очисткой и другими манипуляциями, составляющими предмет гордости «производителя». Надо просто за всем следить грамотно... ну и некоторые секреты органической химии. А потом всё это – в настойку... лечебную, естественно...

«Спаси и сохрани, – снова шепчет старушка, закрывая стеклянную дверцу. Что спасти... что хранить? – странные слова – от этой жизни для жизни вечной... очень странные слова «жизнь вечная», сто лет, а потом ещё сто, а потом сто по сто, а потом? потом, потом...»

И вдруг грохот! Обвал в шкафу! Струк-блям-грым-шррррр-бах-бах-бах-цик-цик... шшии циккк-к! С правой стороны детский стуло-стол... «выезжает» в межмебельный проход, сужая его на 15 сантиметров... – это полка обвалилась (струк-блям-грым), дверца открылась, отодвинула стуло-стол (шррррр-бах-бах-бах), сквозь щель высыпались маленькие скляночки с притёртыми пробками, коробочки, перевязанные нитками (цик-цик...), какие-то пакетики... (цик-цик-шшии-цикк-к-к)

«Ну, ни хрен себе!»

Старушка смотрит на всё «это», затем осторожненько отодвигает ногой с прохода, шагает и... останавливается перед стуло-столом.

«Это не моё детство»

В детстве Елизавета Карповна была хаотична и беспорядочна, то есть каждая вещь бралась в руки в момент привлечения внимания и оставлялась там, где Еличку заставал момент отсутствия внимания... Но как-то раз в комнату вошла молодая женщина в аккуратном пла-

тье, длинные волосы красиво заколоты, в руках... в руках... наверное, тряпка или щётка... Женщина начинает двигаться... это похоже на действие горячего утюга при перемещении по смятой ткани... Хаос исчезает, все вещи находят свои места, в комнате чисто и красиво. И так повторяется каждый раз при её появлении. Так странно! Никаких нравоучений, наставлений, выговоров... просто «утюг». И постепенно все вещи нашли свои места и больше никогда их не теряли, вот и теперь они стоят на этажерочке... некоторые... те, что дожили... с того времени, когда жизнь ещё была... и на тех же местах в точности!

Вот только стуло-стол!

«У вас так чисто, ни пылинки, пожалуй, надо принести немножечко», – пошутила много лет назад мамина подруга Муся Баубель. «И мы её тут же уберём», – весело откликнулась мама, обернувшись к Елечке. Елечка смущённо поджала пухленькие губки. Вот тогда-то и появилась в доме «молодая женщина в аккуратном платье, длинные волосы красиво заколоты».

Старушка внимательно осматривает возникшую преграду... «Как же, как же... это было приобретено... это было... очень удобно, ребёнка за общий стол можно, если сделать стулом и придвинуть к столу, а можно, не вынимая из стула, сделать стол... можно оставить одного, можно не бояться, что он вылезет, особенно если привязать за пояс. Здесь привязывали два собственных поколения – дочь Лерочка и внучка Катенька – и сколько-то других, оно уже подержанное досталось...

«Что есть материя?

– задавалась вопросом бестужевка Сабашникова, – как из материальных процессов возникает сознание?» – и записывала в дневник: «на эти вопросы естествоиспытатели отвечают: «не знаем и никогда не узнаем!» Если это действительно так, то жизнь есть процесс, недостойный человека, и мы, собственно говоря, обязаны с ней покончить».

Мамаша «бестужевки» заметила её состояние и обратилась... к врачу... Барышня с того момента должна была ежедневно приходить в водолечебницу, где её окатывали двумя вёдрами холодной воды.

«...однако, теперь я с признательностью вспоминаю эти ежедневные два ведра холодной воды, хотя они никак не разрешили мировых проблем, но они укрепили мой организм, так что неразрешённые проблемы не могли уже действовать на меня так разрушительно...»

«...на последней лекции по геологии преподаватель Мушкетов изложил Канто-Лапласовскую гипотезу о происхождении мира и о его неизбежной гибели вследствие охлаждения солнца. К чему же, зачем в таком случае создан мир? Вся моя жизнь, жизнь всего мира вдруг показалась бессмыслицей, слава Богу, преподаватель Введенский доказывает, что смысл жизни заключается в исполнении нравственного долга, который предписывает каждому человеку служение всеобщему счастью. но так как всеобщее счастье на земле неосуществимо, что «доказывается сочинениями философов и поэтов всех времён и всего мира», то человек вправе верить, что оно осуществится в посмертной жизни. Таким образом, Введенский хотел доказать, что вера в смысл жизни оказывается логически непозволительной без веры в бессмертие. Однако это не даёт ответа на другой вопрос: «Разве нельзя обойтись без земной жизни?» Для чего жить на земле, зная, что в конце концов весь этот земной мир будет разрушен? неужели такая наша жизнь так необходима для осуществления всеобщего счастья? я завидую материалистам, которые счастливы тем, что не верят в

бессмертие и могут умереть с полным сознанием того, что уже не будут жить после неё...

Боже мой, а что же тогда «счастье»?

«Надеюсь, Катюша, ты счастлива со своим Игорёшей, но отчего у вас деток нет», – прошептала старушка.

Она подёргала мебелину, но... стуло-стол крепко застрял в новом положении. Старушка аккуратно обошла преграду и продвинулась дальше.

Вот здесь надо поднять левую руку, поддеть язычок выключателя, и тогда вот там, ровно прямо, если не поворачивать головы, возникнет неяркое пятно большого абажура тёмно-оранжевого цвета, висящего над большим круглым столом, покрытым клеёнкой в мелкую красную клеточку.

В центре стола небольшая вазочка. Если лето, там цветочки, если осень, то листочки, если зима, то веточки, а если весна, то ничего...

«Если ты разлюбишь меня весной
– радуйся птицам, солнцу, по лесу гуляй...
Если ты разлюбишь меня летом
– купайся, загорай на море, на лугу цветы собирай...
Если ты разлюбишь меня осенью —
...шуршание листьев слушай, в ночное небо смотри...
И только зимою долгой... я прошу —
потерпи до весны...»

На столе всегда сахарница, два подсвечника хрустальных, ручная кофемолка с изогнутой ручкой и статуэтка фарфоровая – «А Васька слушает да ест».

По дороге к столу, справа, небольшая тумбочка, на тумбочке плиточка, на плиточке ванночка с песком, а в песке две маленькие кофеварки... Рядом хрустальный кувшин с водой.

Ложечку кофе, ложечку сахара... водичка... и в песок. «Какое давление?! У меня всю жизнь давление... Наслаждение! Ароматная горьковатость... сладкая...»

«Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, урождённая Пиленко, в монашестве мать Мария (1891–1945), в 1909–1911 гг. была слушательницей философского отделения историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. В середине 1910-х гг. сдавала экстерном экзамены по богословским предметам профессорам петербургской духовной академии. Участница «сред» на «башне» Вяч. И. Иванова, посещала собрания Религиозно-философского общества. поэтесса (первый стихотворный сборник «Скифские черепки» (Спб., 1912), рисовала, владела техникой древнерусского шитья, иконописью, росписью стен, техникой витража. С 1920 г. Кузьмина-Караваева в эмиграции, с 1923 г. живёт в Париже. В конце 1920-х гг. сблизилась с Н. О. Лосским, Н. А. Бердяевым, Г. П. Федотовым, С. Н. Булгаковым, которого считала своим духовным отцом. принимала участие в создании парижского православного богословского института. В 1929 г. за подписью Е. Скобцова появляются три краткие монографии – «А. Хомяков» (Париж, 1929); «Мирозерцание Вл. Соловьёва» (Париж, 1929); «Достоевский и современность» (париж, 1929). В последней работе она писала: «Достоевский был великим русским национальным писателем. Он воплотил в своём творчестве мудрость, свойственную русской душе; он не только воплотил эту мудрость, но и раскрыл нам её содержание и может быть, многое можно объяснить в судьбе русского народа, многое понять и оправдать, если

подойти к ней от Достоевского. Русский народ по преимуществу «человек Достоевского». 16 марта 1932 г. Е. Ю. Кузьмина-Караваева приняла в Париже монашеский постриг и с ним – имя Мария. Своё монашество она провела в миру, занимаясь активной благотворительной деятельностью. погибла в газовой камере 31.03.1945, в концлагере Равенсбрюк. Однажды, показывая заключённым с ней женщинам на зловещий дым, выходящий из трубы крематория, она сказала: «Смотрите, смотрите, как души возносятся на небеса!»...

«Ну, это если кремировать, а вот если в землю закапать? Дым как транспортное средство получается. Говорят «душа отлетает...» и смерть наступает, то есть душа, это как бы жизнь, а тело, это просто земля... ну или пепел... прах! Хорошее слово. В прах, в пепел... и к пеплу пепел отойдёт...», – шепчет старушка, протискиваясь между креслом и этажеркой, усаживается... О, это кресло – совсем не то кресло, которое кресло-кровать трёхчастное, это кресло настоящее, на нём только отдыхать сидя, например, у камина: деревянно-кожано-пружинное с массивной спинкой и подлокотниками, с банкеточкой для ног... очень удобно, слегка откинувшись, вот здесь плед, ноги на банкеточку, пледом их... вот здесь книга, её в руки взять... Открывает наугад, читает одну или две строчки, иногда строчек больше, иногда даже несколько страниц... Нет, это не гадания... просто открыть, читать, закрыть... и так много лет, изо дня в день.

«...по 119 политическим процессам 80-х годов были осуждены 82 женщины, более 50 из них принадлежали к «народной воле». В первый состав исполнительного комитета «народной воли» вошли М. Н. Ошанина, С. А. иванова, Т. и. Лебедева, О. С. Любатович, С. Л. Перовская, Е. Ц. Сергеева, В. Н. Фигнер, А. В. Якимова, А. П. Корба-Прибылева. В числе агентов (особо доверенных лиц этого комитета) были Г. М. Гельфман, Г. Ф. Чернявская, п. С. ивановская, сестры Е. П. и Н. К. Оловенниковы. Если исходить из того, что состав исполнительного комитета, как установлено исследователями, не намного превышал 20 человек, то женщины составляли примерно половину этого числа. наравне с мужчинами они участвовали в подготовке покушений, держали конспиративные квартиры, работали в народовольческих типографиях, вербовали новых членов организаций и т. д. Об этих женщинах много написано в книгах, посвящённых «народной воле». Софью Перовскую, уравнив в правах с мужчинами, первую из женщин России казнили по политическому процессу. Вера Фигнер наравне с мужчинами пережила 20-ти летнее одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости.»

«Приезжала Вера Николаевна сюда... В гости. это было... это было... когда у нас Кирова убили?»

Старушка оглядывается по сторонам... Полки книжные, от пола до потолка, со стеклянными дверцами, открываются вверх и прямо, за стёклами фотографии... С того места, где кресло, их не разглядеть, но она и так прекрасно помнит. Мама, папа, брат и она. Папа как-то очень ловко всех обнимает – и маму, и её, он большой, улыбочивый, все как бы под его защитой, ей лет 5... Последняя фотография папы, он за письменным столом... Брат, тоже последняя фотография. Последняя в том смысле, что ни его, ни фото... это ещё до войны, в войну никто не пропал, до войны исчезли... и папа, и мама, и брат Всеволод.

Ещё есть папина фотография из личного дела – фас, профиль – прислали недавно и письмо такое хорошее, что «... репрессирован необоснованно... дело сфабриковано бывшими работниками ОГПУ...». Ещё порекомендовали обратиться в организацию, где он работал, с тем, чтобы выплатили двухмесячную компенсацию...

У мамы подпольная кличка «Ванда». Её так всегда и называли, а по имени редко...

«Боже мой, я опять застряла!» Фотографии делал Всеволод. Всеволод – мамин сын от первого брака. Первый её муж, как и мама, революционер и умер от чахотки, которую получил в тюрьме. Второй муж революционером не был, но умер тоже в тюрьме, а мама тоже от чахотки, но не в тюрьме. Всеволод пропал в 39 году. Ушёл из дома и не вернулся. А мама отсидела, «вышла» из лагеря и умерла через год на поселении.

Старушка поёрзала в кресле, выбирая наиболее удобное положение между выпирающими наружу стальными пружинами. «Ты должна хорошо запомнить эту дорогу»! – строго потребовала Ванда, когда они возвращались от тёти Муси Баубель, её подруги по ссылке.

«Мамочка, зачем?»

«Дорога к станции, поезд, вокзал, трамвай... ты должна всё это знать и помнить...»

«Но я же всегда с тобой»!

В. Н. Фигнер, Е. Фигнер, М. Шебалин, Л. Дейч, М. Фроленко, А. Якимова-Диковская, заявление в президиум ЦИК СССР:

«В эти торжественные дни, мы обращаемся к ЦИК СССР с нашим словом, посвящённым тому, что волнует и тревожит ежедневно и не даёт покоя.

Тысячи русских граждан заполняют тюрьмы и самые отдалённые и глухие, лишённые малейших признаков культурной жизни углы нашей страны, ссылка в которые по политическим мотивам при старом порядке самым решительным образом осуждалась общественным мнением демократически настроенных передовых кругов всех государств мира. Сотни, тысячи других находятся за рубежом своей родины.

Второй проблемой является расстрел и, прежде всего расстрел без гласного суда и даже вообще без суда.

Такой порядок не может и не должен продолжаться. Это не нужно Советской власти. Это мешает её росту. Это деморализует сознание граждан. Это отравляет и портит жизнь наиболее чутких и честных из них.

Итак, мы, которые долго боролись за революцию, перенесли многие тюрьмы и каторги, подчас были лицом к лицу с самой смертью, мы, во имя той же Революции и её окончательного торжества, просим: отменить расстрел. просим широкого помилования всех политических заключённых, просим смягчения режима ссылки, просим уничтожения административных репрессий с тем, чтобы только суд назначал меры социальной защиты».

Бабуля как бы замерла в кресле, её маленькое тельце откинулось на спинку, рука легла на лоб и опустилась на глаза... Она долго сидит так, потом что-то... очень тихо... это песня... хрипловато-звонким голоском...

«...Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,
Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно...»

К маме иногда приезжали друзья. Под вечер, в непогоду, так замечательно оказаться в этом кресле... какой замечательный разговор... и пели... очень воодушевлённо, красиво... завораживающе...

«...Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!»

...Из-под руки прикрывающей глаза появляется слёзка... и тихонечко скатывается по морщинкам...

«Мы вольные птицы; пора, брат, пора
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

Мужчины мало говорили, молча показали бумагу, молча обыскивали и молча ждали, пока мама соберётся. Мама тоже молча сложила вещи в небольшой чемоданчик и только перед тем как выйти из комнаты, спокойно сказала: «Теперь ты знаешь дорогу, живи здесь, тебе помогут. Не жди, не проси... Не надейся, но может быть, я вернусь».

Увели под утро...

«Ссылка, каторга»... родные слова! Все друзья были каторжане и ссыльнопоселенцы, даже общество такое существовало – «Политкаторжан и ссыльнопоселенцев».

«Знаешь дорогу...» – это дорога в Питер к друзьям. Да, она знала. Мама показывала, а последний раз заставила всё сделать самостоятельно. Они и туда, и обратно ехали отдельно.

С тех пор, просто закрыть глаза... Мама где-то далеко, кругом темно, на ней белый большой платок шерстяной... платок не завязан, спадает с головы, красиво обрамляя её чудесное лицо... Мама придерживает платок возле шеи... идёт, аккуратно ступая, тщательно выбирая, куда поставить ногу... Но никогда, сколько не проси, даже головы не поднимет: «... Хотя бы раз посмотри на меня... Куда ты идёшь?»

Старушка слегка шевельнулась, лицо вздрогнуло, она тихонько охнула и открыла глаза... Пружины кресла прикрыты остатками ватного одеяла, но под действием даже небольшой нагрузки они постепенно раздвигаются и сидящий в кресле оказывается между ними... зажат!

Давно надо ремонтировать, очень давно, но ведь это любимое кресло... маме нравилось, папа здесь сидел... Оно их помнит. это как бы вычеркнуть, принять отсутствие...

«Спаси и сохрани... – бормочет старушка тихим голосом – ... Манечку и всё её многочисленное семейство – ... Рому, Диму, Федю... Никиту... боже, забыла, Васичку и Олега... их так много всегда ... приходят, уходят, друзья, родственники... дальние, близкие... храни всех... Если бы не они... может и не надо бы так надоедать, но... я всегда беспокоюсь...».

За ней пришли когда началась финская война... Финский залив, финская граница, финские шпионы... и она как бы и не финка, но все равно финка, поскольку... финно-угорка, и одна из ЧСИР-ров... членов семьи изменников Родине.

Москва, Кремль

1. Установить,

что совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), осуждённых судебными органами или Особым Совещанием при НКВД СССР... подлежат аресту и ссылке в отдалённые местности СССР на срок в пять лет. Членами семьи изменника Родине считаются: отец, мать, муж, же на, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родине или находились на его иждивении к моменту совершения преступления...

В лагере как-то раз услышала: «это давно было, ещё до катастрофы».

Как молния!

Лиза, Лизонька, Елизавета, Елизавета Карповна, ... Еличка... – в одно мгновение вся жизнь в удивительном всевидении... И ни горечи, ни ненависти, и ни радости, ни счастья, а... как вдох и выдох глубокий после того когда воздуха уже нет.

И мир словно остановился... и... как туман рассеялся... и ясно видно всё – вот степь, сопки, пыль... бараки... люди... и всюду жизнь... жизнь... жизнь...

Они с Фанечкой пьют чай, а Вилеша (в.и. лен...), муж Фанечки, очень ловко мастерит чемодан. У него теперь появился замечательный заработок! Посёлок пустеет, люди разъезжаются, всем нужно с собой что-то взять. Виля делает чемоданы из всего, что есть под рукой – картон, кожа, брезент, фанера... В его рабочем углу всегда идеальный порядок, и он делает всё очень аккуратно и тихо. Виля даже может поддерживать разговор, не отрываясь от работы, постучит легонечко молоточечком, что-то приклеит, что-то верёвочкой перевяжет потуже, а пилит маленькой пилочкой, от которой совсем немного опилок и звук такой негромкий – «вжик, хррр... вжик, хррр...» Так же негромко строгают небольшим рубаночком, который сам же и смастерил... «Пришло время собирать вещи! – восклицает он, весело поблескивая ясными глазами, – а у меня есть то, куда это делать»... «Что ты говоришь?» – Переспросила Фанечка отвлекаясь от разговора с Елечкой. «Вещи, говорю, нужно складывать в чемодан! И ехать, ехать, ехать куда подальше...»

Вещей было мало, а всё свободное место заняли пирожки и лепёшки, которые испекла в дорогу Фаня.

Караганда-Москва-Ленинград...

Соседка помогла затолкать чемодан в багажный ящик под сиденьем, ещё при отправке, когда вагон первый раз вздрогнул, лязгнув всеми стыковочными железками, их глаза встретились... «Лотта», – как сказал кто-то... а может и сказал.

Раздали постельное, разнесли чай, дочь Лерочка уснула держа мамину руку... А женщины... – немного одна расскажет, немного другая... «Лотта» – так называли женщин, которые вступали во вспомогательную женскую службу «Лотта-Свярд» отрядов шюцкора, от шведского слова Skyddskar – охранный корпус, эдакий финский вариант русского казачества. Отряды появились в Финляндии в 1917 году, а в Германии в 34-м и назывались они там Schutzstaffeln, сокращённо SS.

Вообще-то Лотта – имя историческое, это жена фенрика Столя, ушедшего в 1808 году на войну против русских в составе шведской армии. Фенрик – по-русски прапорщик, то есть знаменосец, носитель прапора, то есть знамени. Лотта отправилась на войну вслед за мужем и... стирала, штопала одежду, готовила еду на всех. эту трогательную историю о фенрике и его жене поведал на шведском языке поэт Рунеберг, который стал национальным героем финнов, написав слова гимна Финляндии, тоже на шведском языке – финский считался языком простолюдинов – «Наш край, наш край, наш край родной... О, звук, всех громче слов!» в переводе Александра Блока, а ещё там есть... «Ступай, надменный чужевек, ты звону злата рад». Финны до 1918 года никогда не жили в своём государстве – то шведы, то норвеги, то русские, даже датчане ими управляли, но чужевекы, это «рюсси», то есть русские, а свободу и государство дал им Ленин, основатель партии большевиков, как бы тоже русский... И вот едут они... Пожилая Лотта, ингерман-ландская финка по отцу, а по матери зырянка, то есть все равно финно-угорка, а значит – финка и... Еля с дочкой. И ничего не знают друг о друге.

Папа Лотты, «красный финн» Пекка Хямляйнен, отправился в 1918 году воевать за свободу Финляндии, чтобы «... прой-ти победным маршем по земле своей Родины» и остаться там навсегда». Тогда не удалось. И в «Зимнюю войну» так же не смог «пройтись», поскольку перед войной попал в лагерь как агент финской и германской разведок.

Солдаты героической Финской армии!

...Я сражался во многих местах, но ещё не видел таких солдат, как Вы. Я горжусь Вами, как будто Вы являетесь моими детьми. Одинаково горжусь я за сынов Похьёла, за сынов карельских лесов, за сынов высот Саво, за сынов урожайных полей Хяме и Сатакунта. Одинаково горжусь за жертву, которую приносит заводской рабочий и сын бедного дома, как и богатый.

С радостью и гордостью думаю о Лотта-Свярд Финляндии за их участие в войне, за их самопожертвование и неустанную работу на отдельных участках, что освободило тысячи мужчин на передовые линии...

Верховный Главнокомандующий маршал

Карл Густав Эмиль фон МАНЕРГЕЙМ

Из приказа № 34 от 14 марта 1940 года

Как только в Петрограде в феврале 1917 года произошли волнения, и это назвали революцией, в голове Пекки как щёлкнуло и Пекка «потерял» покой. Никто никогда – ни полиция, ни жена, ни друзья – никто не мог назвать Пекку не то что революционером, но даже... даже... бунтарём или просто «неблагонадёжным». Он работал, по праздникам выпивал, горланил песни, дрался, многое умел делать и делал это хорошо. И рыбу солил хорошо, и рабочим на горных выработках, и на железной дороге, и лес рубил, то есть лесорубом, и всё у него получалось ловко, надёжно и спокойно. Жена, две дочери в Петрозаводске, одна в услужении – Лотта, а другая в фельдшерской школе – Хелми, которая училась и жила в общежитии и скоро должна была уже вернуться в родные места для работы помощником фельдшера. Училась за счёт земства, способная девушка...

Трасса

Медленно двигается пассажирский автобус, за ним маршрутка, джип, минивен, грузовик... Некоторые тащатся за автобусом и друг за другом, дожидаясь, когда автобус доедет до остановки и можно будет спокойно увеличить скорость движения; некоторые особо нетерпеливые периодически выскакивают на полосу встречного движения и так, постепенно одну за другой обогнав всех, мчатся дальше... В потоке особо ловко маневрирует легковой автомобиль отечественного производства. ВАЗ 21093... Обгоняет... маршрутку... джип... минивен... огромный грузовик... и пристраивается за экскурсионным, судя по бортовым надписям, микроавтобусом... в окнах дети, лет до 12–14 на вид... весёлые мордашки, то появляются в заднем окошке, то исчезнут... вот опять... на этот раз две девчонки прикладывают лист бумаги к заднему стеклу, а на бумаге... «Нас захватили». Девчонки хохочут, кокетливо поглядывают на водителя девятки и пассажира, потом исчезают вместе с бумажкой...

– Дуры, – мрачно изрекает пассажир девятки, – ... давай гони, время поджимает. – До трассы шесть километров, а там всего два останется.

Легковушка выскакивает на встречную, объезжает все машины, автобус, и устремляется вперёд... мчится по свободному пространству, упирается в последнюю машину следующей группы, маневрируя между попутными и встречными, обходит всех... опять мчится по свободному пространству... упирается в «хвост» последней машины следующей группы, снова всех обгоняет, но тут возникает препятствие неодолимой силы...

Огромное дерево, возле дерева куст, а возле куста мент. Со стороны дороги мента не заметно, а самому менту видно всё... А «всё» – это длинный спуск к мосту через небольшой ручеёк и такой же длинный подъём. В начале спуска знак «обгон запрещён», а возле мостика, знак ограничения скорости до 40 км в час, кроме того, на всем участке присутствует сплошная разделительная полоса, которую достаточно хорошо видно.

За деревом и кустом патрульная машина ДПС. В машине ещё один мент.

Девятка выскакивает на вершину подъёма.

Запиликал радар.

– ... Ага! Доехал!

Из-за куста появляется полосатый милицейский жезл, фуражка, а вот и сам инспектор... в одной руке маленький приборчик для измерения скорости, а в другой жезл, который он направляет строго на девятку и производит... повелительный жест... «сюда»... – слева направо. И сам вслед за этим движением разворачивается лицом вдоль дороги.

– Бля... ну вот... приехали... – говорит пассажир. – А что же твой хваленый антирадар не сработал?

– У них теперь новые приборы, «стреляет» в упор, на поражение, этот даже пикнуть не успевает.

– Ну и на хрен он тут висит?

– У него когда-то счёт был 148 к 10! 148 раз он пикнул и я успел притормозить, а 10 раз не успел. Пусть висит ветеран... я тогда тоже был молод силен и красив...

– Тогда, тогда – это когда «тогда»?

– Тогда – это тогда, а не сей час, – мрачно и зло говорит водитель.

– Посеешь час – пожнёшь вечность...

– Чё-о? – оборачивается пассажир.

– Вечность, – невозмутимо отвечает сиделец заднего сиденья.

– Бес, ты чё? Книжки читаешь?

– Кино смотрю.

Проехав метров сто от инспектора, машина останавливается. В кабине тихо... Инспектор смотрит на машину. Водитель смотрит в зеркало заднего вида, поворачивает голову, смотрит на пассажира.

– Ну что смотришь? Вылезай, иди сам, – говорит пассажир.

– Да пошёл он, козёл вонючий...

– Сдай назад, чтобы он не бегал к тебе и не злился, – тихо, но жёстко говорит пассажир.

Ты к нему хорошо – он к тебе хорошо.

На заднем сиденье два мужика и женщина.

– Осмотр – не досмотр, – говорит женщина.

– А ты не лезь, – рявкнул мужик тот, что справа от неё, – не бабье дело.

И какой-то звук раздался... резкий, но не громкий... как бы металл по металлу скользнул...

Машина движется задним ходом, приближается к инспектору ДПС. Останавливается.

Инспектор подходит, козыряет... что – то бурчит, типа «Инспектор ДПС сержант Нифонтов, добрый день... Ваши документы...» Водитель протягивает документы...

– Сергей Михайлович, – медленно читает сержант Нифонтов.

Водитель радостно орёт в окошко:

– Я!

Голос у него чистый, звонкий... Сержант даже отпрянул от неожиданности.

– У вас превышение скорости, выезд через сплошную на встречную, знак «обгон запрещён», – разглядывая документы, говорит гаишник, потом показывает цифры на радаре, – вот ваша скорость...

Водитель резво выскакивает из машины, как бы пытаясь получше рассмотреть циферки, а сам очень ловко прикрывает инспектору обзор... и это ему удаётся, поскольку водитель – это здоровенный мужик, а сержант Нифонтов щупленький, какой-то совсем не типичный инспектор, рядом с водителем он похож на пацана.

– Пройдёмте в патрульную машину, – просит инспектор.

А водитель бежит в кусты. Инспектор оборачивается, напрягается... Нарушитель ПДД останавливается и делает характерные для мужчины движения, перед тем как получить облегчение от простой и естественной процедуры...

Инспектор, поняв в чем дело, развернулся к патрульной машине.

Через лобовое стекло все происходящее наблюдает пожилой майор милиции...

Инспектор подходит и передаёт ему водительское удостоверение и техпаспорт с кратким комментарием:

– Встречка, знак, превышение... на 25.

Статья КоАП РФ	Пункты ПДД	Санкции
12.9 часть 2 Превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину от 20 до 40 км/час	п.10.4	Штраф 1 МРОТ
12.15 часть 3 Выезд на сторону проезжей части дороги, предназначенную для встречного движения, в случаях, если это запрещено Правилами дорожного движения	п.8.6	Лишение права управления от 2 до 4 месяцев
12.16 Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги, за исключением случаев, предусмотренных другими статьями настоящей главы	п.1.3	Предупреждение или штраф 0,5 МРОТ

– Посмотрим, посмотрим, – говорит майор и действительно что-то там смотрит в своей сумке...

Водитель бежит к патрульной машине... садится на заднее сиденье.

– Я здесь, здесь...

Майор спокоен, доброжелателен. Разглядывает документы...

– Здравствуйте, Сергей Михайлович, у вас...

Водитель энергично прерывает его речь:

– И Вы! И вы тоже...

– Что «И я тоже»?

Радостно, весело...

– Здравствуйте! То есть – здравствуйте, не умирайте, будьте здоровы, не кашляйте!

– Ну, спасибо...

– И вас тоже...

– Что «и меня тоже»?

– И Вас «СпасиБо... же»... краткая молитва о спасении... Приступим к официальной части?

Майор хотел что-то сказать, но передумал...

– У Вас несколько нарушений: пересечение сплошной линии с выездом на полосу встречного движения, превышение скорости и несоблюдение требований, предписанных дорожным знаком...

Водитель радостно орёт:

– Виноват! Вину свою полностью признаю и торжественно обещаю немедленно исправиться.

Майор оборачивается, смотрит на нарушителя, как бы пытаясь понять – издевается? Но водитель отвечает ему ангельским взглядом.

Майор отворачивается, рассматривает документы, потом вновь оборачивается на водителя, хочет что-то сказать, но тот немедленно реагирует:

– Похож? – и поворачивает голову – фас, анфас...

– Похож, – говорит майор и снова отворачивается, достаёт бланк протокола...

– Прошу обратить внимание на чистосердечное признание вины, а так же на активное сотрудничество с правоохранительными органами...

Майор снова поворачивается...

– Я что-то не так сказал? – Широко и радостно улыбается водитель.

Майор пожал плечами и как бы сам себе ответил:

– Да нет... просто обычно...

– Да у меня сын женился! Вот родню со свадьбы на поезд везу, в солнечный Скабаристан! – И вкрадчиво продолжил, – опаздываем...

– Куда? Скабаристан? Псковские значит...

– Над всем Скабаристаном безоблачное небо... трата-та-та-та...

– Употребляли?

– Никак нет, товарищ майор милиции, извините, полиции, сразу не привыкнуть – язва двенадцатиперстной кишки, ишемическая болезнь сердца, а также приступы гипертонии не позволяют мне предаться наслаждению, завещанному нам Великим Бахусом.

Майор недоверчиво разглядывает нарушителя. Нарушитель ровно в противовес собственным словам выглядит как здоровый бугай, и здоровья через край.

– По виду не скажешь.

– Обманчив!

– Кто?

– Вид.

– А как же Вы машину водите?

– Осторожно...

– И что же «ни грамма» на свадьбе не приняли?

– А Вы, когда-нибудь попробуйте в компании делать вид, что пьёте: наливайте, подносите, крикайте... Опьянеете не меньше! Так что я «без спирта пьян», пьян от встречи с друзьями и родственниками, пьян от радостного события – сын встретил замечательную девушку, с замечательными родителями... – Гипертония серьёзная болезнь при ней нельзя за руль... – Ах, майор, я счастлив – теперь на пенсию со спокойной совестью... на заслуженный, абсолютно заслуженный отдых...

Дом

Елизавета Карповна заварила чай. Очень крепкий... прямо в кружку.

– Бабуля! это чифирь? – спрашивает внучка Катя.

– Просто крепкий чай, – отвечает бабуля.

– Крепкий чай, крепкий кофе...

– Крепкие напитки, особенно в старости, придают остроту ощущениям!

Бабушка двумя руками осторожно берет кружку с чаем... обходит стол... садится в своё кресло... что-то шепчет... отпивает маленький глоток... ставит кружку на стол.

– Бабуля, это чифирь, ты чифиришь!

– Да? Какое странное слово есть в твоём лексиконе.

– Вот Похлёбкин пишет, что на одну чашку готового чая надо две ложки заварки – по ложке на чай и на чашку, а ты вбухала сколько?

– Две.

– Две? Но столовых!

– Но две, как и полагается...

– Там вообще всё в граммах изложено.

– Предпочитаю другие инструкции.

– Ты в тюрьме научилась чифирить? А о чём ты больше всего мечтала тогда? – спросила внучка. – Чего тебе больше всего хотелось?

Бабушка смотрит на неё, но как-то мимо...

– А что было самое тяжёлое «там», что хуже всего переносила? Там же надругались, наверное...

– Хуже всего отсутствие предметов личной гигиены в определённые дни...

– Ну а надругательства? Надругательства были? Ты никогда не рассказывала. Почему?

– Деточка, это совсем другой мир.

– Расскажи...

Бабушка молчит. Она как бы заснула... Потом смотрит на внучку и говорит:

– Нет. Не хочу ни вспоминать, ни рассказывать.

– Так ужасно всё было?

Елизавета Карповна отворачивается, потом снова смотрит на внучку... Катя сжалась в кресле... тихо говорит бабушке:

– Тебе больно вспоминать?

Бабушка не отвечает и продолжает смотреть в сторону Кати... прямо в её глаза.

– Нет, дорогая, не больно, давно не больно.

– Тогда расскажи.

Бабушка печально улыбается, слегка покачивая головой, распрямляет спину, сжимает губы...

– Об «этом» нельзя рассказать, «этого» нет в словах, «это» только в самом «этом».

Внучка «во все глаза» на бабулю смотрит.

– В каком «этом»? – еле слышно спрашивает она.

Елизавета Карповна вдруг орёт хриплым голосом:

– Чё, пизда, зыришь? Чё глаза пузыришь?! Ну-ка, здринь, блядина!

Катенька смотрит на то, что ещё мгновение назад было её бабулей... Страшная противная старуха, медленно приподнимается и приближает к ней полуоткрытый рот... рот ощерился и отвратительно хррррыкнул! Катя вскидывает руки и зарывает ладонями глаза.

– О, Господи, – шепчет она, – Господи... Господи...

**Отче наш, иже еси на небесех!
Да святится Твое,
Да придет Царствие Твое,
Да будет воля Твоя, яко нашей и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем
Должником нашим; и не введи нас во искушение,
Но избави нас от лукаваго.**

Елизавета Карповна всю жизнь работала учительницей русского языка и литературы. Она всегда носила изящные шляпки, всегда была хрупкого на вид телосложения, всегда говорит тихим голосом, всегда доброжелательна, всем приветливо улыбается, никогда никто от неё не слышал ни одного бранного слова... и не было человека, о котором она сказала хоть что-то плохое. «Ему, наверное, очень неудобно сейчас, надо кого-нибудь позвать из мужчин, чтобы помочь дойти» – это про пьяного дядю Васю, через которого они осторожно переступили на пороге дома. «А что это за лужа»? «Он немножечко переоценил свои силы и не смог вовремя добраться до туалета»... Дядю Васю утащили домой полупьяные друзья, а лужу рас-топали и размазали по всему подъезду вперемешку с уличной грязью и рвотными массами оставленными дядей Васей во время транспортировки... Чуть позже, переодевшись в чистый рабочий халат синего цвета и завязав платочек, Елизавета Карповна тщательно и аккуратно вымыла всю лестницу.

«Катенька, пальчиком показывать неприлично», – сказала бабуля. Катя всю жизнь помнит этот момент и домик зелёный, который ей понравился, и она показала бабуле какой именно. «Ротик надо закрывать, когда кушаешь, чтобы звуки посторонние из него не раздавались», – это тоже одно из её наставлений на всю жизнь. Катя потом сама уже учила соседских двойняшек: «Не чавкайте, – говорила она с важным видом, – а то выйдете из-за стола». Двойняшки даже жевать перестали...

– Бабуля, – тихо говорит Катя, осторожно открывая глаза, – бабуля...

– Я здесь, – ласково отвечает Елизавета Карповна.

– Бабуля, что это было?

Бабушка молча передвигается по комнатке, она вытирает пыль с фарфоровой статуэтки – толстый повар в белом большом колпаке рассуждает о великих материях, а кот уплетает кусок куриного мяса.

– В 16 лет забрали, а вернулась через 15...

Статуэтка возвращается на место.

Катя хочет сказать что-то, но в этот момент бабушка оборачивается и смотрит на неё... незнакомая женщина лет 40–45... Но бабушке через два года девяносто! Катя переводит взгляд на лицо, руки – все правильно, старушка, но как только вновь встречается с её взглядом – опять та! Незнакомка блестит ясными глазами, лет 45! Но это мгновение! Пока глаза в глаза!

**ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

**Ко всем членам партии,
ко всем трудящимся Советского Союза**

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжёлой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа – Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА – бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую

партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ СТАЛИН был вдохновителем и вождём Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ СТАЛИН привёл советский народ к всемирноисторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привёл нашу страну к победе над фашизмом во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ СТАЛИН вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища СТАЛИНА, отдавшего всю жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира...

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР, обращаясь в эти скорбные дни к партии и народу, выражают твёрдую уверенность в том, что партия и все трудящиеся нашей Родины ещё теснее сплотятся вокруг Центрального Комитета и Советского Правительства, мобилизуют все свои силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.

Да здравствует великое, всепобеждающее учение Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина!

Да здравствует наша могучая социалистическая Родина!

Да здравствует наш героический советский народ!

Да здравствует великая Коммунистическая партия Советского Союза!

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР
5-марта 1953 года**

Трасса

По дороге мимо инспектора ДПС сержанта Нифонтова, как на параде мимо трибуны почётных гостей, едут автомобили, которые с таким блеском обгоняла девятка. Они едут почему-то ещё медленнее, чем тогда когда перед ними тащился рейсовый автобус.

И все смотрят в сторону инспектора, остановленной девятки, и патрульной машины.

Из окошка джипа – молодая женщина... блондинка крашенная, макияж... глаза туманные... вроде видит всё и видно, что не слепая, но в то же время она и ещё что-то видит... видит, как её видят... А рядом мужик...

Маршрутка. Лица сосредоточенные, но иногда сонливые. Друг на друга редко взглянут, а уж улыбнуться... и вовсе никогда.

Автобус двухэтажный. Пушистые белые головки женские на тоненьких шейках из огромных окон с высоты. Доброжелательные лица, улыбаются... У всех фотоаппараты, видео. Ни тени беспокойства, раздражения, никакой напряжённости, нервозности... Мило переговариваются о чем-то... Вежливо, друг друга не перебивают, внимательно ждут пока собеседник закончит фразу. И все время кивают поощрительно... да,... да, ... да... как из мира иного планетного.

А за «инопланетянами» множество легковых машин сбившихся в кучку позади этой громадины, а ещё дальше тот самый рейсовый автобус, за автобусом Газель, а за ней...

Хорошая-удобная-просторная-иностранная машина. За рулём поп. Солидный, крупный, в чёрной шапочке с крестообразной верхушкой. Руки на руле – как две клешни омара, полруля закрывают. И голос у него под стать – сильный баритон. Звук энергичный, но не громко.

Рядом с ним мужчина почти такой же комплекции, и у него длинные светло-рыжие волосы и борода, на художника похож, да он и есть художник.

Священник то на обстановку на дороге бросит взгляд, то на рыжеволособородого посмотрит... Но тот молчит, потом повернул голову и улыбнулся.

Перед рейсовым автобусом остановилась маршрутка. Стоят они как раз перед знаком про обгон, и где берёт начало сплошная разделительная, а по встречной едут «встречные» автомобили... Их тоже много...

Поп перемещает руки в верхнюю точку руля, как бы обнимая его:

– Ну вот, затор – говорит он, не оборачиваясь к собеседнику.

– Может, по встречной обочине рвануть? – живо реагирует тот.

– Не по правилам... Да куда спешить? Вот едем мы со скоростью 100 км в час. Хорошая скорость, а нас обгоняют... ну максимум со скоростью 120. Вот мы едем так и едем... час едем... Мы спокойно, а они, обгоняющие, в напряжении, активны... И вот мы приехали. А они уже здесь. Но на сколько они быстрее приехали? Да на 14 минут примерно. То есть выигрыш ничтожный в сравнении с затратами сил и энергии, кстати и топлива больше уходит, поскольку расход его значительно увеличивается после скорости в 100 километров в час. И это при идеальных условиях, а ведь для поддержания такой высокой средней скорости иногда надо разогнаться до 140–150-ти...

Из маршрутки выскочили парень с девушкой, дверь хлопнула, и автобусик поехал... а за ним и вся колонна

– О! Тронулись, – сказал о. Геннадий, – с Богом.

Передние машины начинают движение, но не все вдруг, а по очереди, и перед каждой образуется некоторое свободное пространство.

О. Геннадий замешкался, и перед ним тут же вскочил экскурсионный микроавтобус. Все те же девчужки снова показывают бумажку с надписью о том, что их захватили.

Художник улыбается, машет рукой девчонкам, и делает жест, как бы говоря: «Ну зачем»? Поп смотрит на художника, потом достаёт мобильник, набирает 112,... слушает,... нажимает клавишу с номером 2 и говорит:

– Здравствуйте, передо мной микроавтобус с детьми, на заднем стекле они держат лист бумаги с надписью «Нас захватили»... Что? Фамилия? Отец Геннадий. Да нет, я не отец, вернее я батюшка. Да нет, священнослужитель! Что? Ну да, я еду в автомобиле! Да, я водитель! Да почему не могу! Я с вами серьёзно, а вы что спрашиваете? Мой номер? Какой? Автомобиля? А... микроавтобуса...

– Да баловство это, – пытается вклиниться рыжебородый, но о. Геннадий останавливает его жестом – потом...

Сержант Нифонтов внимательно смотрит на дорогу... никто не нарушает... и он никому не машет палочкой полосатой, а просто поигрывает ею, поигрывает... и весьма затейливо поигрывает, мастерски, она так и летает, так и летает... а он стоит крутя палочкой, держа в зоне внимания обстановку на дороге, ситуацию в остановленном автомобиле и даже происходящее в патрульной машине... где майор сосредоточенно заполняет бланк протокола... Он пишет, пишет, пишет... поглядывая иногда в документы... По радию слышны какие-то переговоры...

– Вы знаете, – говорит водитель, – я и рад бы как-то сократить время нашей встречи путём немедленного реагирования на предложенную Вами сумму штрафа, но... сейчас такие времена... вот вдруг меня возьмут да и повяжут за дачу взятки...

– А вы не давайте, Вас и не повяжут...

– Боже избавь! Даже подумать об этом не смею...

Он даже отвернулся и демонстративно смотрит в другую сторону, но долго молчать не может и спрашивает:

– А где ваши радары, телевизоры... приборы фотовидеофиксации. Теперь ведь так просто – не успеешь нарушить, уже всё зафиксировано...

– Не все машины оборудованы... спецтехникой...

– А... конечно, дело дорогое...

– Учитывая Ваше чистосердечное признание своей вины, я из всех нарушений оставляю... вот, штраф за ... знак, то есть «Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками», а можно было и прав лишить до 4-х месяцев ... Но только оплатите штраф побыстрей, а то через неделю номер расчётного счета изменится... И счастливый путь. Гипертония коварная болезнь. Свадьба – это очень хорошо. Мы с женой вместе вот уже 20 лет...

– Большая радость... редкая!

Майор улыбается, отдаёт водителю протокол, показывает, где надо поставить подпись...

– Распишитесь вот здесь, здесь и здесь...

Водитель берёт бумаги, внимательно читает...

А по радию передают информацию: «сообщение по телефону, «В районе Пулково где совхоз Шушары микроавтобус Соболь синего цвета, на заднем стекле бумага с надписью «нас захватили», проверить информацию...»

Водитель радостно кричит:

– Да блин, я их только что обгонял! Точно, висела у них такая бумага! Но они её сняли. Девчонки, просто для прикола, скучно им. Сейчас модно это – школу заминировать, в заложники попасть, приметы времени.

Водитель, подписав, отдаёт бумаги, а взамен получает свои документы и копию постановления.

– Ну, спасибо, – говорит он вылезая.

– Ну, пожалуй... ста..., – бурчит майор, – Лучше бы «сто»...

Водитель подходит к своей машине.

– Ну что ж! – радостно восклицает он, занимая место за рулём, – Сегодня наш день! Сегодня у нас всё получится!

– Не каркай, – обрывает его пассажир на переднем сиденье.

– Наш, наш! – орёт водитель и ... осторожно, поглядывая через боковое зеркало на милиционеров, отъезжает, – они сейчас обратно в полицию перестраиваются, ласковые, что бы перестроили, а не на помойку бросили.

В зеркале он видит, как майор быстро выходит из патрульной машины и подходит к сержанту Нифонтову.

– Ты скажи этому водителю-весельчаку, что «Пулковское сейчас забито», нечего им там делать быстрогонам, пусть по Московскому едет и на Витебский сворачивает, – говорит майор сержанту, – они на поезд торопятся, могут не успеть...

Майор внимательно смотрит на дорогу. Примерно метров 300 от него микроавтобус.

А сержант Нифонтов оборачивается в сторону отъезжающей девятки и машет своим жезлом, стойте... Но девятка не останавливается...

Водитель открывает окно, кричит:

– Что-то не так?...

В руках у женщины пистолет, она осторожно взводит курок...

Сержант, не доходя до машины, кричит:

– Да стой!

Подходит ближе.

– Поезжай по Витебскому, на Пулковском пробка, не успеете на поезд...

Машина не останавливается, но и едет не быстро. Сержант злится.

– Да остановись ты!

– Понял, понял, – кричит водитель, – опаздываем.

– Знаете, как по Витебскому проехать?

Водитель машет головой.

– Знаем, знаем, спасибо, – кричит он сержанту, – Ну, блин... Не «правильные» менты...

– А что, – отзывается один из пассажиров, – и среди них бывают нормальные люди...

– Люди – это мы, а мент – он просто мент, но бывают «правильные» и не правильные. эти не правильные.

– А чем они не правильные?

– Правильный мент – жадный, грубый и вонючий, а не правильный мент – спокоен, доброжелателен и взятки не берет... и подозреваю, что у них усиление...

– Они теперь не «мент», а «полицай»...

– Цай-цай-цай... да хоть менто-пол...

– Всем заткнуться!

Дом

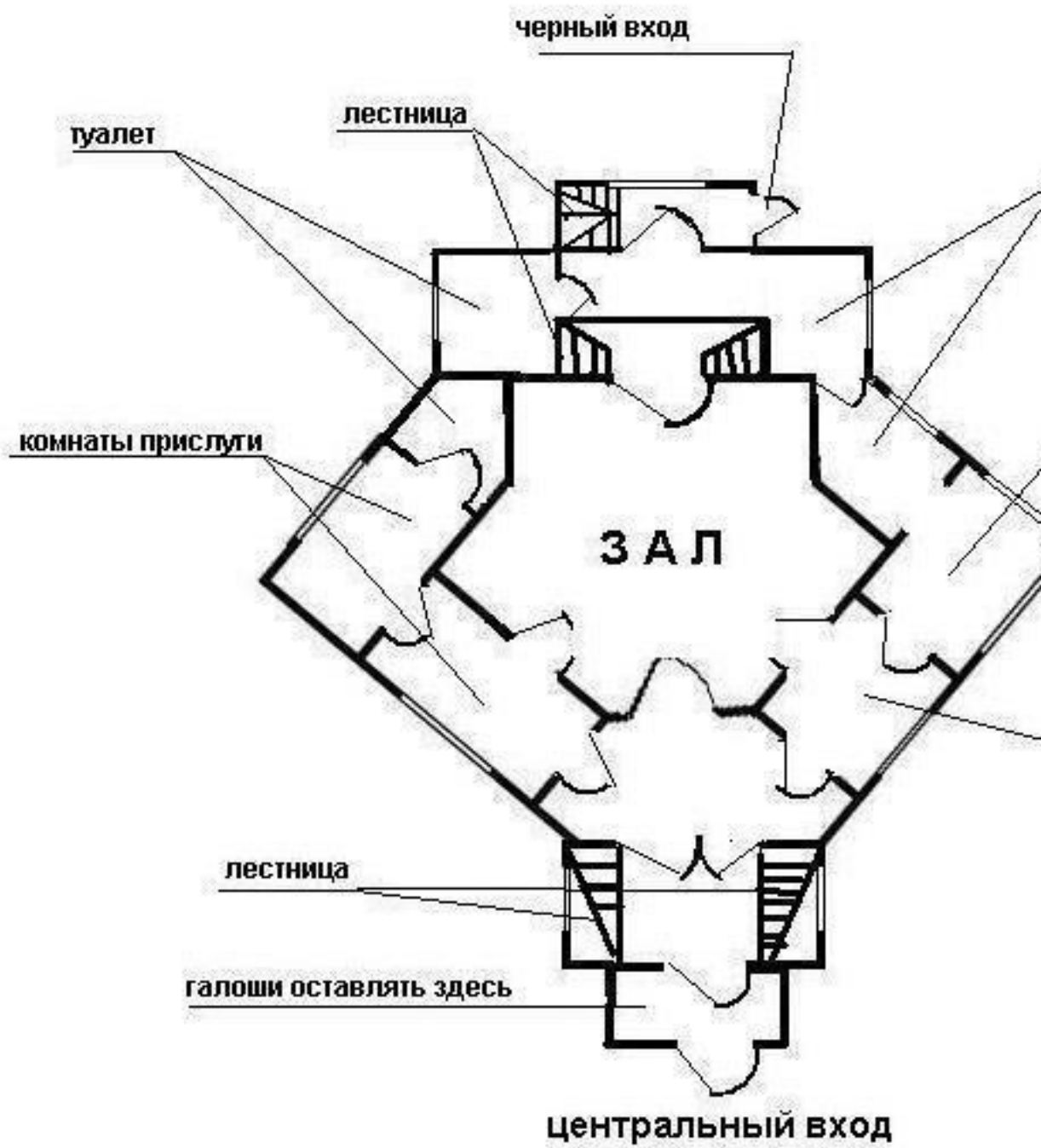
Нынешняя комната Елизаветы Карповны образовалась из последовательного урезания и перекраивания спальни родителей, папиного кабинета и их туалетной комнаты. Когда-то из этого «родительского» блока был выход в хозяйственный двор, Ванда, будучи профессиональной революционеркой, задумывала его как запасной путь для внезапной эвакуации... Теперь это вход в отсек Елизаветы Карповны.

При последнем отсечении, которое происходило с целью увеличения комнаты любимой внучки, жилое пространство Елизаветы Карповны сократилось на 14 метров квадратных, образовался коридор как продолжение лестницы, старая дверь осталась за стеной, а на новый вход в комнату дверь почему-то так и не поставили...

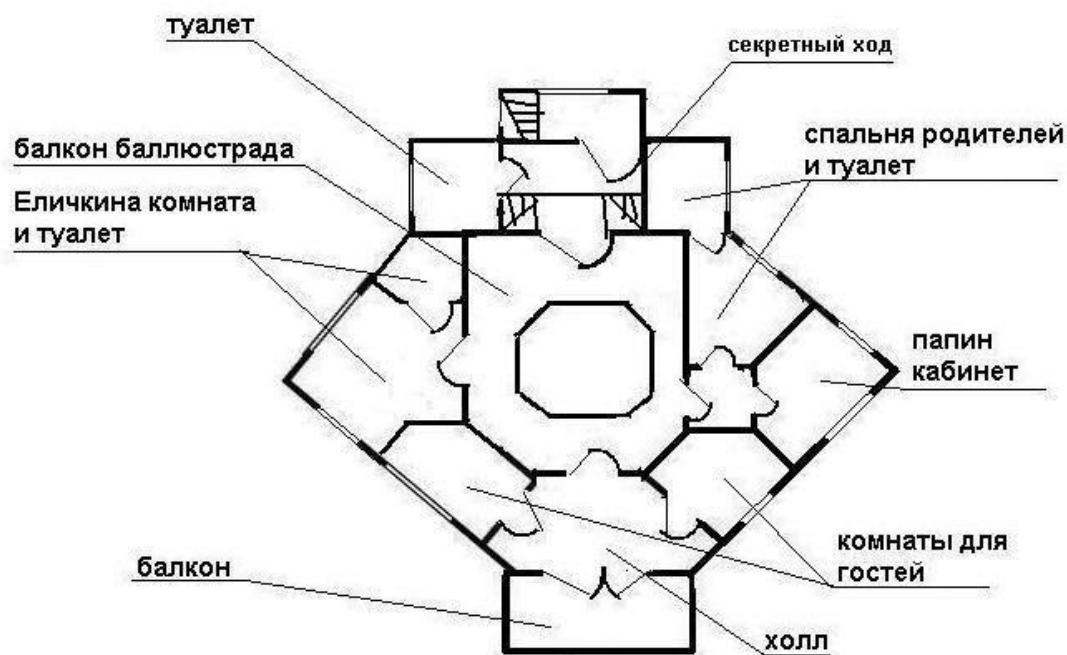
Когда дом построили в нем было два этажа, два входа, тридцать два окна, три туалетных комнаты, в каждой ванна, дровяной водогрей, ватерклозет, умывальник, на первом этаже кухня и комнаты для прислуги, огромная гостиная, столовая, буфет, на втором этаже комнаты для гостей, родительский отсек, в котором размещался папин кабинет и спальня родителей с отдельным туалетом... Здесь же Еличкины апартаменты, где у неё была своя туалетная комната как у взрослых.

Родители строили дом с мечтой о дружной счастливой жизни, в которой будет много радостных встреч друзей, и потому в его центре располагалась гостиная-атриум в виде большого зала на два этажа со стеклянным потолком.

Радостных встреч, которые заняли бы все это пространство, так и не было, зато наличие атриума позволило обитателям дома долгие годы естественным образом противостоять «уплотнению» – вроде бы и много места, но оно бесполезно с точки зрения вселения дополнительных жильцов.

План 1-го этажа

План 2-го этажа

До ареста хозяина вообще никаких реальных уплотнительных действий со стороны большевиков не наблюдалось, поскольку Ванда достаточно известна среди революционеров, они знали и высоко ценили её «заслуги перед революцией». Родственники, которые приехали когда-то обживать дом, так и остались жить. Вначале приехала Надя с мужем, потом появились ещё двое, а уже перед самым папиным арестом весь первый этаж и гостевые комнаты на втором этаже были заселены роднёй... дальней и очень дальней, тем самым создав явновидимое естественное «уплотнение».

В доме был главный вход и был выход в хозяйственный двор, отделённый от сада, в него можно было попасть через калитку, выходящую на дорогу позади дома. Теперь дорога превратилась в улицу им. Розы Люксембург, сад исчез, а широкая, удобная для подъёма лестница в той гостиной, стала узкой, неудобной частью коридора идущего на второй этаж.

Со временем количество комнат увеличилось за счёт урезания площади имеющихся. Туалетные комнаты редуцировались до двух клетушек с унитазами, потом испортилась канализация и водопровод, исчезли унитазы, а во дворе возникло два пудр-клозета в виде скворечника, затем ещё один... но их не хватало, и в доме появились, пристроенные сразу к двум этажам, капитальные люфткалозеты...

Люфт-клозет – внутридомовая тёплая уборная с подземным выгребом, в который фекалии поступают через сточную (фановую) трубу. В люфт-клозете вентиляция осуществляется через специальный люфт-канал, примыкающий к обогревательным устройствам, а выгребной люк располагается снаружи.

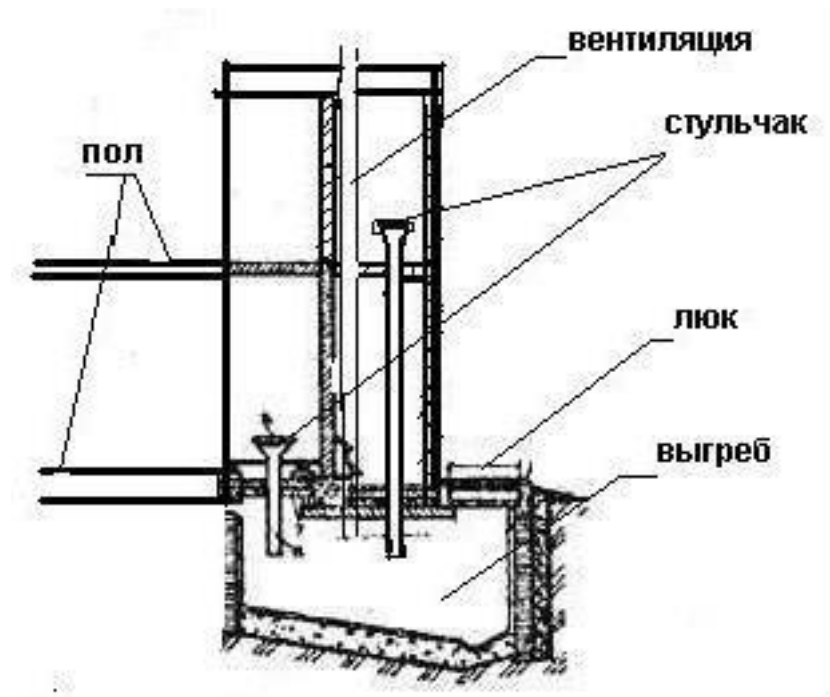
Пудр-клозет – уборная, в которой фекальные отходы: – подвергаются обработке порошкообразным составом (пудрой) на основе торфа; и содержатся в сухом виде в изолированной ёмкости до образования компоста

Но closed, т. е. замок, ударение на «о», что у «люфт», что у «пудр» слабоват, запах фекалий стойкий и постоянный... на многие годы... почти вся жизнь... пудр-люфт-параша... Кстати! Отличный источник сырья!

Пудр-клозет

Кто-то из Игорёшиных приятелей недавно рассказывал, что сейчас в тюрьме давно уже нет таких «параш», везде унитазы и даже что-то вроде загородки сделано, как бы отсек такой туалетный, но всё равно при входе, всё равно, чтобы цирик (надзиратель) видел все детали процесса... и всё равно воняет, но теперь освежитель воздуха можно покупать... правда, если спирта в составе нет.

Люфт-клозет

«Ну вот, и «Watterclosed» вернулся..», – удовлетворённо пробормотала Елизавета Карповна, разглядывая новый унитаз.

«Вернул» его последний муж Кати, успешный и удачливый мужчина. Врач.

Лерочкин отец, Катин дед, тоже врачом был.

Один акварельный портрет, сделанный его другом Файбисовичем и тетрадь записочек, которыми они обменивались. Всё что осталось. У неё школа в две смены, у него операции, дежурства...

«Лиска, сегодня дежурю, заболела Вера Петровна, я успел сварить для тебя картошку, а в ящике за окном сало. Вот, воистину «не знаешь, где найдёшь, где потеряешь» – сало принёс Файбисович, сославшись на то, что свинину есть нельзя, а ему этим заплатили за работу. Целую мою ненаглядную. Днём забегу на обед, может и тебя встречу»...

Еля так поначалу и подписала тетрадку «Встречи...», потом прибавила «... расставания». Восемь счастливейших месяцев... Единственный мужчина в её жизни... умер прямо на крыльце больницы, в которой работал..., а через полгода родилась Лерочка, мама Катюши...

Весна. Утро. Холодно. В одной руке тёмно-коричневый фанерный чемодан, в другой ладошка Лерочки, ей три годика.

Еля рассматривает дом... Потом покрепче сжимает ручку чемодана и делает шаг в сторону входа.

Лерочка закутана в огромный шерстяной серо-коричневый платок, на ногах валенки, руки в рукавичках, на один мамин шаг ей приходится делать почти четыре. Они подходят к входной двери, открывают, поднимаются на второй этаж, здесь Еля на секунду замерла, а потом повернула направо в сторону, где когда-то жили родители.

Дверь открылась, на пороге мужчина, Еля молча проходит мимо, входит в небольшую прихожую, из которой одна дверь когда-то вела в папин кабинет, а другая в спальню... Полу-пустой чемодан громко бьётся о дверные косяки. Мужчина спрашивает:

– Вы кого ищите?

На его голос отзываются за дверью:

– Кто там? Ты с кем разговариваешь?

– Да вот...

Еля входит в комнату бывшую когда-то спальней родителей... осматривается... Буфет из столовой, шкаф из папиного кабинета, этажерка мамина, кресло... стулья, круглый стол... Она ставит чемодан на пол, развязывает Лерочкин платок, снимает его, делает это молча, спокойно, как будто просто вернулась с прогулки...

За столом женщина, смотрит на Елю, на чемодан... ни о чём не спрашивает, встаёт, помогает ей и девочке раздеться, складывает вещи на кресло...

– Привет! – говорит женщина Лерочке, но Лерочка не отвечает, просто смотрит на неё.

Еля садится на стул возле стола, Лерочка забирается на колени к матери...

Мужчина так и стоит возле двери.

– Саша, они замёрзли, принеси кипятку, – говорит женщина мужчине.

Еля обнимает Лерочку, а та прильнула к маме и уткнулась лицом в складки её кофты...

Саша выходит из комнаты. Женщина сервирует... быстро, спокойно, ловко... вот уже всё на столе. Через некоторое время мужчина возвращается с чайником, из носика пар... Женщина заварил чай, достала из шкафа пряники, села напротив Ели с Лерочкой... улыбнулась.

– Зиночка, может я за конфетками сбегая, для ребёнка? Или вот Маргарита Васильевна вчера варенья предлагала... – робко спрашивает мужчина.

– Ты сейчас на работу побежишь, а за вареньем мы и сами ходим, – сказала Зина и подмигнула Лерочке.

Лерочка в ответ ещё тесней прижалась к маме, а та вдруг начала плакать, слезы катятся по щекам, падают на голову Лерочки, она поднимает голову, смотрит на маму, слезы падают на её лицо, Лерочка их вытирает, слезы все равно капают, тогда Лерочка ладошками вытирает слезы на маминых щёках, а мама плачет... плачет, тихо, почти без звука... только плечи едва дрожат в такт негромких всхлипываний...

Зина машет на Сашу – «уходи, уходи», тот кивает, осторожно открывает дверь, выходит, осторожно закрывает.

Зина рассказывает о себе и обо всех обитателях дома.

Папин кабинет занимает семья Леманцевых – мама, папа и сынок Гарик. Зина с Сашей – это мы – живут здесь в бывшей спальне, а та, что была когда-то туалетной комнатой, ещё при Еле превратилась в большую кладовку, когда пристроили люфт-клозет, она так и осталась кладовкой. В левой гостевой комнате живут Гольцевы, мама с сыном, в правой гостевой Шикины, пожилая пара без детей, в Елиной комнате мама с сыном, её родители и брат, это второй этаж. На первом, в комнате для прислуги, где с самого начала жила тётя Надя, теперь участковый милиционер, кухня и столовая там же где и были, в буфетной сделали котельную и провели по всему дому отопление. Когда-то дом отапливался из подвала. Там стояла большая печь, ее топили один раз в день, а если холодно, то утром и вечером. От этой печи по всему дому шли воздуховоды, по которым распространялся тёплый воздух. В кухне тоже была печь. Сейчас, после войны, всё переделали, поскольку никто не мог разобраться, как устроена система воздушного отопления и вентиляции. Решили не мудрствовать, а просто провести трубы и повесить батареи. Кочегаром в котельной работает Семён Петрович, он же дворник и управдом. Живёт на первом этаже как раз налево.

Всё это Зина рассказала пока они выпили по чашке чая и съели пряники, потом Еличка и Лерочка были уложены отдохнуть с дороги, а сама Зинаида Васильевна, ушла вслед за мужем на работу, оставив им ключ от комнаты, на случай если захотят выйти на улицу погулять.

Еля так ничего и не рассказала о себе, а Зина... Зиночка, Зинаида Васильевна, «тё Зина»... никогда ни о чём никого не спрашивала.

Ей, наверное, совсем не трудно было догадаться, глядя на скромно одетую женщину с фанерным чемоданом и ребёнком, кто она, откуда и что ей здесь надо.

Саму Зинаиду Васильевну сюда привела тётя Надя ещё во время блокады. Зина и Саша после первой блокадной зимы решили весной огород посадить, отправились пешком, по дороге Саше стало плохо... в общем Надя привела их в дом, Саша был совсем слаб, а Зина вернулась в город отоварить карточки, пришла к дому... снаряд попал как раз в их подъезд. До войны они жили на проспекте имени Кирова, Зина работала в детском саду, а Саша в том же саду был завхозом. На фронт его не брали, поскольку у него одна нога короче после ранения во время финской войны. К тому времени в доме жила одна тётя Надя. Таня умерла ещё в первую блокадную зиму, а Виктор весной того же года, сама Надя умерла в день окончательного снятия блокады.

Еля несколько дней жила с Лерочкой в комнате вместе с Зиной и Сашей, а потом Саша сделал небольшой косметический ремонт в бывшем родительском туалете, и Еля переселилась туда. А получилось это после того, как Еля показала Зине потайную дверь. Вот так у неё появилась своя комната с отдельным входом.

Лет через пять уехали Леманцевы и тогда Зина с Сашей переселились в их комнату, а Еля с Лерой заняли бывшую спальню, потом освободилась бывшая Елина комната и Зина переехала с Сашей в неё, а Лера переместилась в бывший папин кабинет. Потом, когда Лерочка уже сама стала мамой и родилась Катенька, освободилась правая гостевая комната, которая примыкала к папиному кабинету, и тогда произошёл первый ремонт с перестройкой и у них

оказалась практически четырёхкомнатная квартира, правда без удобств, но все же... у каждого по комнате, столовая и кухня, которую сделали из бывшего туалета, где Еля прожила первые годы после возвращения.

*«Блажен, кто посетил сей мир
в его минуты роковые!» Поэты умеют иногда...
Но жизнь... Такая ясная и простая, счастливая...
вот мама, папа... большая крепкая шершавая
ладонь, в которой укрывается маленькая
детская рука... «Еличка, иди сюда, милая...»...
тёплое ласковое прикосновение...
волосы щекоцут щеку...
мамин запах...
Он долгое время был в шкафу...,
можно было залезть,
укутаться во всё...
убежать,
исчезнуть...
раствориться...»*

– Бабуля, ты плачешь!?

– Да-а?...

– Вон слёзы по щеке текут...

– Как-то даже не заметила. У стариков бывает глаза слезятся, это физиология.

– Я тебя про эту жизнь проклятую спрашиваю, ты же должна знать, ты столько уже прожила...

– Катюша, почему «проклятую»? Жизнь как жизнь.

– И это говоришь ты?!

Елизавета Карповна оглядывается по сторонам, смотрит на внучку, подносит руку ко рту... ушам...

Катя смеётся.

– «...Ничего не слышу, ничего не вижу, ничего никому не скажу»!

– Дорогая моя, если бы ты понимала, сколько всякой гадости из такого милого ротика появляется на свет... то зашила бы его на «всю оставшуюся жизнь».

– Бабуля, когда перестанешь меня учить?

– Ты спрашиваешь – я отвечаю.

– Ты не отвечаешь, а совсем наоборот... Я тебе абсолютно чётко задала вопрос про то, как это получается, что ты учишь одному, а в жизни всё по другому... И никакого счастья, и никакой радости вокруг, а только страдания и невзгоды.

– Какие страдания, какие невзгоды?

– Когда была маленькой девочкой, была счастлива... А потом что произошло?

– Может это погода меняется или ПМС?

– Во, во... твой такой юмор...

ПМС – (предменструальный синдром) эмоциональный и физический дискомфорт накануне месячных. Основные симптомы ПМС: – Слабость, повышенная утомляемость, рассеянность; – Бессонница или сонливость; – Обострённое восприятие шума; – Головная боль, головокружение, обмороки; – Заторможенность, затруднённая речь, покалывание, чувство онемения или ошущения "мурашек" в руках; – Раздражитель-

ность, обидчивость, капризность, плаксивость, конфликтность, нерешительность, нервное напряжение, беспокойство, внезапные вспышки гнева; – Отёки, небольшая прибавка в весе; – Отёчность или болезненность суставов, судороги в икроножных мышцах, ноющая мышечная боль, ограничение движения и неприятные ощущения в области шеи; – Кожные высыпания, зуд, аллергические реакции; – Приступы учащённого сердцебиения; – Тошнота, рвота, метеоризм; – Ощущения беспомощности, повышенная подверженность бытовым травмам (порезы, ожоги); – Изменение вкусовых ощущений (пристрастие к солёному, сладкому) и восприятия запахов (внезапное желание нюхать, например, бензин, лак); – Резкий спад или всплеск полового влечения.

Трасса

Майор останавливает синий микроавтобус, который сворачивает с дороги и подъезжает прямо к нему. Майору надо только протянуть руку и открыть дверь... В салоне притихшие школьники...

Мимо проезжает минивен с о. Геннадием и рыжебородым. Оба поглядывают в сторону микроавтобуса.

Майор внимательно осматривает салон... Водитель, рядом молодая женщина, в пассажирском отсеке пять девочек и два мальчика...

– Добрый день, майор полиции Куценко...

С переднего сиденья живо откликается женщина:

– Экскурсионное обслуживание «Отдых и развлечения», посещение дворцов, музеев, парков...

– Куда путь держите?

– Сейчас, после посещения дворца – музея и Пушкинского лицея, альма-матер великого русского поэта, возвращаемся в гостиницу...

– Кто бумажку на заднее стекло привесил?

Девчонки пытаются сделать вид, что ничего не понимают: «Какую бумажку? Никто ничего, не знаем, не видели...»

Майор спокойно берёт в руки рацию и, не включая, говорит:

– Сейчас вызываю спецподразделение, и будем разбираться, результатом разбирательства на месте может стать задержание на 72 часа, вызов родителей, штраф в размере двухсот размеров минимальной оплаты труда, что на сегодняшний день может составить до 2 тысяч долларов в рублёвом эквиваленте на каждого из вас...

Одна девчонка быстро прерывает речь майора:

– Это я, для прикола!

– Давай сюда...

Виновница отдаёт смятую бумажку... майор разворачивает, читает «Нас захватили»...

– Та-ак, кто захватил, когда...

– Ну-у... мы же для прикола, чтобы повеселее ехать было...

– Вы хоть чуть... понимаете, о чём здесь написали? – Обращается к женщине: – Вы экскурсовод?

– Менеджер – контактёр Иридова Инесса Казимировна, – бодро запричитала женщина, – агентство «Отдых и развлечения», посещения дворцов, музеев, парков, организация корпоративных вечеринок и VIP мероприятий...

Под действием сурового взгляда майора, Инесса Казимировна теряет активность... и замолкает.

Майор молча обходит машину, подходит со стороны водителя, знаком предлагает ему выйти, осматривает водителя, место водительское, жестом просит открыть сумочку женщины, та открывает и вытряхивает всё прямо на водительское сиденье, майор поворачивается к водителю, жестом показывает на карманы, водитель вынимает всё что есть, делает это так, чтобы майор видел, майор осторожно дотрагивается полосатым жезлом в некоторых местах на теле водителя, затем обходит микроавтобус, заглядывает в дверь... смотрит на детей, потом закрывает дверь и машет рукой водителю – поезжай...

Идёт в сторону патрульной машины, возле которой стоит сержант.

– Что там? – спрашивает сержант Нифонтов.

– Ничего... девчонки веселятся... у меня дома тоже две таких... и пупки, и юбки как трусы, а ума...

- А в чём дело-то, почему останавливали?
- Чутьё... подвело...

Майор занимает место за рулём патрульной машины... рвёт на мелкие кусочки бумажку, приговаривая вполголоса, но очень зло... «Ага, сейчас вызовем ФСБ, МВД, ББР... РУВД, ДПД... разбираться будем, рапорта писать, всем веселья до утра. Вот дуры, ну и дуры!»

Выходит из машины, отходит на несколько шагов... Перед ним вдали за полем, небольшими перелесками и железнодорожной насыпью... в сине-пегой дымке раскинулся огромный город... Майор снял фуражку, постоял... всматриваясь в этот зловеще-прекрасный пейзаж... Что-то он ему напомнил...

Майор постоял немного, затем повернулся и пошёл к патрульной машине.

А «дуры» тут же всё забыли и весело хохочут, обсуждая майора...

- Рраз! Дверь открывается, а в ней фуражка ментОвская.
- Кто такие, откуда, говорит фуражка...
- СмирНа!...

Все хохочут, они достигли состояния – «палец покажи» смеяться будут.

– Сейчас вызову армию ментОвскую и она вас тут всех повяжет, а родителям за то по тысяче баксов штрафа...

– И правильно, на что им бедным ментам жить-то!

Инесса Казимировна строго прерывает веселье.

- Так, девочки, быстренько угомонились. Повеселились, и хватит. Едем в «Зенту».
- Куда?

– По дороге в гостиницу расположен современный торговый комплекс, который входит в систему гипермаркетов под торговой маркой «Зента», которые работают по системе ...

– У вас продукты кончились?

– Девочки, там все гораздо дешевле и качество очень хорошее. Кроме того, там всё есть от чайника до пельменей. Весь поход займёт не больше часа. Вам понравится.

– Мы девочки провинциальные, мы про ваши маркеты не знаем, нам ни чайник, ни пельмени не нужны.

– Посидите в автобусе.

– О, гляньте, опять тот поп за рулём!

Экскурсионный автобус вновь обгоняет минивен о. Геннадия.

- Надо говорить – священник, или батюшка.
- Батюшка? Бат-тяня!
- КоммБат, баттт-тяня...

Все подхватывают и с упоением поют...

– Перестаньте... Надо уважать... священнослужителей, они работают для людей и многим очень помогают в жизни....

О. Геннадий прижался к обочине для того, что бы экскурсионный микроавтобус имел возможность спокойно обойти минивен, а теперь вернулся на дорогу и продолжает движение. Водитель микроавтобуса, заметив этот манёвр, включил аварийку и мигнул два раза в знак благодарности.

Отец Геннадий поднимает правую руку и крестит пространство перед собой...

– Спаси Господи.

Художник посмотрел на него, на микроавтобус...

– Это те детки, они и, правда, баловались, – говорит, не оборачиваясь о. Геннадий, – но в любом случае надо сообщать, хорошо что баловство, а вот если действительно попались бы...

Они проезжают мимо джипа «Лэнд крузер». Место водителя пусто. На пассажирском женщина с туманным взглядом... Метрах в 10–15 от дороги перед кустиками стоит молодой мужчина... Мужчина стоит лицом к дороге, эдакая характерная поза охранника...

Художник хохочет...
– Это что? Пописать без охраны нельзя! Да здравствует свобода!
О. Геннадий глянул в сторону джипа и охранника, махнул рукой...
– Знакомые? – Спросил художник.
– Сосед, Сидельников, большой оригинал... Кстати, один из спонсоров храма.
– Ночью грабит, утром милость проявляет.
– «Пусть бросит камень тот, кто не грешен». Так сказал Иисус разъярённой толпе и тем самым спас...
– Спасатель...
– Правильно говорить «Спаситель»...
– А какая разница?
– Разница... разница... один тра-та-та мать-мать..., а другой дразниц-ца..., – вполголоса пробормотал о. Геннадий.
Метров через сто ещё один джип стоит.
– Да у них тут гнездо, – говорит художник, – Тоже жертвует?
– Этого не знаю.
Некоторое время едут в молчании, потом о. Геннадий продолжает разговор:
– Бог всему судья, я не вправе отвергать человека от церкви какой бы он не был... Ты ведь раньше храмы не расписывал, да и вообще не образован в нашем деле...
– Да и ты, как помню, больше по военно-морской части был...
Отец Геннадий вдруг развеселился:
– Был-был-был... у семи кобыл... чёрный скакунец, на ... О, Господи прости... игрец!
– Во! Так-то лучше...!
В ответ о. Геннадий запел мощным голосом... «Богородице, дево радуйся, благодатная Мария, Господь с тобо-ою...»
Потом замолк, перекрестился, вздохнул... повернулся и сказал:
– Девчухи в микроавтобусе, конечно, дурочки, но как раз с дурочками чаще всего и происходят всякие подобные неприятности... да.
– На этот раз не произошли...
– Ангелы берегут, – неожиданно зло сказал о. Геннадий, – и дур в том числе... Кстати! Полное название нашего храма звучит так: «Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, архангелов: Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила, Варахиила и Иеремиила»... Мама родная, сколько их всех, я как-то и сам подзабыл! – воскликнул батюшка и вдруг рассмеялся...

Чины Ангельские разделяются на три иерархии – высшую, среднюю и низшую. В свою очередь каждую иерархию составляют три чина. В высшую входят: Серафимы, Херувимы и Престолы. Ближе всех Пресвятой Троице предстоят шестикрылые Серафимы, дословно пламенеющие, огненные. Они пламенеют любовью к Богу и других побуждают к ней. После Серафимов идут Херувимы.

Их имя значит: изливание премудрости, просвещение, они сияют светом Богопознания и разумения тайн Божиих.

За Херувимами – предстоят Богоносные Престолы, таинственно и непостижимо носящие Бога. Они служат правосудию Божию.

Среднюю Ангельскую иерархию составляют три чина: Господства, Силы и Власти.

Господства владычествуют над последующими чинами Ангелов. Они наставляют поставленных от Бога земных властителей мудрому управлению. Учат владеть чувствами, укрощать греховные вожелания, побеждать искушения.

Силы исполняют волю Божию. Силы помогают людям в несении послушаний, укрепляют в терпении, даруют духовную крепость и мужество.

Власти имеют власть укрощать силу дьявола, помогают людям в борьбе со злыми помыслами.

В низшую иерархию входят три чина: Начала, Архангелы и Ангелы.

Начала поручено управлять вселенной, охранять страны, народы, племена. Начала наставляют людей воздавать каждому честь, подобающую его званию.

Архангелы открывают тайны веры, укрепляют в людях святую веру, просвещая их ум светом Святого Евангелия.

Ангелы наиболее близки к людям. Они наставляют людей к добродетельной и святой жизни, хранят верующих, удерживают от падений, никогда не оставляют нас и всегда готовы помочь, если мы пожелаем.

На иконах Архангелы изображаются в соответствии с родом их служения: Михаил – попирает ногами дьявола, в левой руке держит зелёную финиковую ветвь, в правой – копье с белой хоругвью (иногда пламенный меч), на которой начертан червлёный крест.

Храм

Яркое солнце, прямые проспекты и улицы вдоль берега и никого... ни людей, ни машин... пустой город... Полярный день – солнце по кругу, всегда светло. Старшина первой статьи Стайкин возвращается из краткосрочного отпуска, а студент второго курса Академии художеств Паша Столяров следует к месту работы – г. Печенга... п. Лиинахамари. Один поезд, одна судьба, на жел-дор-вокзале города Мурманска... молоды, красивы, здоровьем «пышшштут»... Ждут. Ожидание поезда разбавляют некрепким вонючим самогоном.

Отпили прямо «из горла» по большому глотку, заели карамелькой лимонной, погуляли по городу, съели все карамельки, выпили... почти всё... какие-то пирожки пожевали...

– Ну... уж... очень вонюч, из говна что ли, делают? – Задумчиво говорит Стайк, разглядывая бутылку.

– Точна! Из говна! Мне рассказывали, что в войну...

– А ты из Питера?

– Точна!

– «Пишу, читаю без свечи...»! А слабо как у нас – «солнце незакатное...»! И жара! Жара! Жара... – ведь солнце 24 часа!

Паша смотрит вокруг – как будто всё во сне и не с ним всё происходит, как будто какое-то кино кто-то показывает, и как будто не ему...

– Так что там про войну и про самогон? Из говна, говоришь? – спрашивает Стайк.

– Из говна. Моя бабушка, вернее дедушка...

– Гнал?!

– Пил! И продавал, то есть менял на еду и дрова.

– Ага, блокада! Пили самогон из говна и людьми закусывали... Голод! А брал-то где? Сам гнал, наверняка сам! в тайне от всех! И сколько же говна надо? У нас в деревне, где мой дед жил, говорят одного такого в толчок спустили, когда заподозрили! Ну, вперёд!

Стайк прикладывает к бутылке, как в кино американском – глотнул и Паше передаёт... А Паша... Паша подержал... покрутил и... назад протягивает...

– Не-не-не... нне...! – Кричит Стайк, – Так не пойдёт! Надо пить! Давай за ленинградцев, за блокадников! За всех героев! У нас в деревне, где дед мой... блокадниками питерских зовут, т. е. ленинградцев..., – говорит Стайк и весело хмыкает, – скобари, что с них взять!

Паша вытягивает губы вперёд... как бы дудочкой и осторожно подносит к ним горлышко бутылки, аккуратно наклоняя её в сторону рта, стараясь не притронуться к ней, но всё же слегка касается... и тёплая слегка жгущая и вонючая жидкость втекает в рот... движениями языка и щёк он продвигает её дальше, вот она начинает перемещаться в горло и он медленно производит глотательное движение.

Зря он так, надо бы залпом...

Стайк с интересом наблюдает процесс и через момент после глотка радостно орёт:

– Что? Побежала жизнь по пищеелудку?!

Главное какое-то время не дышать, потом осторожно выпустить воздух, а с ним и этот отвратительный запах и вкус.

– А глаза зачем закрываешь? – хохочет Стайк.

Паше пить противно, голова тяжелеет, на глаза давит... Но он... Медленно цедит вонючую жидкость, мимические мышцы напрягаются, лицо перекашивается «в кучу», он опять глотает... и ещё раз... и ещё.

– Ну и рожа у тебя, смотреть противно, – комментирует Стайк. – Дай сюда.

Паша передаёт бутылку.

– Смотри, – говорит Стайк, и широким красивым движением руки подносит бутылку ко рту, одновременно слегка откидывает голову, бескозырка сползает, но Стайк свободной рукой изящно подхватывает падающий головной убор.

Он начинает пить, держа бутылку у губ, затем плавно поднимает её, самогон тоненькой струйкой льётся в слегка приоткрытый рот, и, булькая, проваливается внутрь тела почти не задерживаясь в горле. Затем Стайк резко переворачивает бутылку горлышком вверх, одновременно закрывает рот.

Паша смотрит на это и сам как бы снова ощущает все движения жидкости внутри организма, тело отвечает судорожным движением, а Стайк вдруг икнул. Чему удивился. И тут же громко пёрнул.

Вначале Стайк замер, потом хотел обернуться, как бы посмотреть, что произошло, потом вспомнил, что здесь Паша, скосил на него глаз, потом замер, как бы соображая как комментировать...

– Кажись, упало... и был толчок, – вслух размышляет Стайк.

– Дальше желудка провалилось!? ... Жопу, жопу зажди! Выскочит!!!!!!! – закричал интеллигент Паша.

Стайк некоторое время стоит, слегка покачиваясь, потом снова поднимает бутылку.

– Повторить?

– Бис, бис, браво! – орёт Паша. Он понимает, что всё это какая-то глупость, но остановиться не может и кричит, кричит – просим, просим!

Стайк снова поднимает бутылку, повторяя цепь изящных движений, самогон некоторое время льётся, но потом струя иссыкает, и только несколько капелек падают в открытый рот... Стайк замирает в этой позе. Паша прислушивается.

– Недолёт, – говорит он не то утвердительно, не то вопросительно...

Стайк как бы чувствуя что-то, жестом останавливает его... и спустя мгновение издаёт прерывистые весьма специфические звуки и... запах.

Стайк замер, некоторое время молчит, осознавая случившееся.

– Хотел «пук», а получил «как», – философски оценивает он ситуацию.

– Перелёт! – Паша смотрит на Стайка. – Прямо в штаны, а там не отстегнуть...

– Да, – говорит Стайк, пытаясь осмотреть себя ниже пояса.

Отстёгивает передний клапан флотских штанов, обнажая трусы.

– Срать в них удобно, а срать не очень – подытожил он исследования.

– Надо их передом на зад одевать, – изрекает Паша.

Он хочет ещё что-то сказать, но закашливается и садится на землю... затем валится на бок. Он ещё как бы смеётся, но это спазм... и боль раздирает грудь... живот.

А Стайк опять дрищет, прямо в штаны. Паша слышит, сквозь боль пытается смеяться, но вместо смеха его рвёт, Паша переворачивается на живот и теряет сознание...

Обосранный матросик и облёванный студент вначале были отправлены в медвытрезвитель, поскольку воняло от них, но когда начался очередной приступ... И у того и у другого уже ничего внутри не осталось, ни пищи, ни самогонки, ни воды, ни желчи, но организм яростно пытался извергнуть из себя что-то ещё, как будто отторгая даже самую плоть свою... Их откачали...

Шланг в рот, к шлангу воронка, в воронку воду, вода льётся внутрь, потом изрыгается наружу, потом небольшой перерыв на отдых и снова: вода – рвота... и так много раз... потом... Потом уколы, капельницы.

До Печенги они добрались через три дня. Солнечная тундра, сопки, а дальше море, которое никогда не замерзает.

«Разве не знаете, что вы храм Божий,

**И Дух Божий живет в вас?
Если кто разорит храм Божий
Того покарает Бог: ибо храм Божий свят;
А этот храм – вы»**

Дом

Катенька приехала на новой машинке... Вот она, прямо под окном поблёскивает фарами в луче солнца проникшего сквозь высокие сосны. Они здесь везде, до самого моря – где солнце на закате погружается в воду, где лес обрывается песчаным откосом создавая берег, где волны набегаая на него обнажают каменные глыбы красного гранита со странным названием рапакиви... что в переводе с финского – гнилой камень.

На нём в Питере «Медный всадник» – Царь Пётр на коне растоптал змею, из него колонны Исаакиевского собора и монолитный «Александровский столп» – в землю не врыт, на фундаменте стоит на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, в этот гранит «одета» Нева, все реки и каналы Великого города... колыбели...

Фундамент дома, кстати сказать, вот этого...

Рапакиви – роговообманковый порфировидный гранит с овоидальными вкраплениями красного или серого ортоклаза и микроклина, окружёнными олигоклазовыми каёмками.

Этот «финский камень» добывали и добывают в России возле «исконно русского» города Выборга... Viipuri, что означает – святая крепость.

Как-то Василий, который жил где-то на первом этаже, притащил на санках за несколько раз несколько плит этого камня – «вот, на памятники, всем хватит...» – он на кладбище работал словорубом... – дословное описание его таланта: рубить в камне буквы, составляющие простые, ясные слова... связанные со смертью и памятью... иногда он сам и придумывал эти слова.

Первая плита легла на могилу Ванды.

Елизавета Карповна никогда даже не пыталась искать, где похоронена Ванда, но ей прислали письмо, примерно такого же содержания как и про папу, что вот, дескать, виноваты тогдашние сотрудники нашего ведомства, что можно компенсацию как незаконно уволенной и что похоронена она на кладбище возле города Кокчетова...

Елизавета Карповна поехала туда... Вот уж никогда не думала вернуться в эти края... Развалины, пыль... а дальше камни... степь... травы пахучие... Ничего не осталось от целого посёлка...

Обошла кладбище... обошла то, что было кладбищем, обошла то, что могло бы быть кладбищем... какие-то столбики... железяки покорёженные... ни крестов, ни надписей, ни могил...

Ничего.

Тогда она просто опустилась на колени посреди дороги, положила ладони на землю и сжала их... Вот то, что осталось в руках и похоронила потом возле дома, а на гранитной плите, закрывшей это место, Василий вырубил...

*«Как детская слеза чиста твоя душа
Ты здесь, ты с нами
навсегда»*

Незадолго до ареста Ванда сказала дочери, что если произойдёт так, что она уйдёт и не вернётся, то надо будет сразу же уехать к тётке Мусе, но об этом никто не должен знать. А Еля спросила: «Куда ты уйдёшь?» Мама посмотрела на неё пристально, хотела что-то сказать, но вместо этого нежно поцеловала и вышла из комнаты... Стало темно... затихли мамины шаги и

вдруг Елечка как бы увидела, что она как будто в каком-то как бы маленьком цирке и откуда-то сверху, но не очень далеко, смотрит на арену, а там, на арене, женщина в платье, какие уже давно не носят. Женщина махала рукой и приветливо улыбалась. Она не была похожа на мамину подругу тётю Мусю, но Еля знала, что это она и это то место где ей не будет страшно.

Еля всё сделала, как велела мама: утром, после ареста, пока все ещё спали после ночных волнений, она незаметно, как ей казалось, вышла из дома и без каких-либо приключений доехала до Питера, села на трамвай, пришла к двери... почему-то не стала звонить, а обернулась... по лестнице медленно поднималась пожилая женщина с литровым молочным бидончиком в руке... женщина подняла голову, идёт медленно, но не остановилась, а когда поравнялась с Елей очень тихо прошептала, прямо в ухо: «Всех увезли, возвращайся. Я не могу тебя приютить, боюсь соседей – и тебя, и меня заберут... революционеры». Еля молча развернулась и отправилась домой. В пригородном поезде, когда прислонилась головой к окну и закрыла глаза, она снова оказалась в том месте и женщина снова помахала ей рукой и снова... улыбнулась. Еля хотела сказать, что та обманула её, но в это же мгновение поняла, женщина на самом деле прощалась... вот она улыбнулась и исчезла, растворилась в светлом пятне арены. Очень странно: мама, папа, все лучшие друзья – революционеры, папу арестовали – революционеры, папу, маму и тётю Мусю увели революционеры, а самый громкий и радостный праздник – праздник Октябрьской Революции, которую сделали эти самые революционеры. Еле 13 лет, как понять всё это?

Когда построили дом, услышав от мужа, что надо кого-то в него заселить для «обживания», Ванда тотчас написала письмо финско-карело-коми-ижемским-зырянским родственникам с просьбой прислать кого-нибудь, кто захочет жить в Петрограде. Приехала Надя Терентьева с мужем и... произошла февральская революция.

Revolutio (латынь) – переворот. «Трудовой народ, прежде всего многомиллионное крестьянство, необходимо избавить от мук и страданий капиталистического чистилища и поскорее приобщить его к социалистическому раю. Мы, интеллигенты, как часть народа которая получила образование, и в силу этого стала интеллигенцией, должна дать этому народу то, что он сам, в силу своей необразованности получить не может, поскольку попросту не видит этого и не знает, что не видит.

Переход к социализму должен совершиться мирным, реформистским путём, на основе использования демократических, конституционных норм. Через демократические выборы необходимо получить большинство сначала на местах, а затем и в Учредительном собрании. Последнее должно окончательно определить форму государственного правления и стать высшим законодательным и распорядительным органом».

Вообще-то ижемцы очень практичны, здравомыслие – одна из основных национальных черт. Откуда среди них появилась такая Ванда-революционерка? И куда исчезла Паничка, симпатичная смышлёная девушка с ясными лучистыми глазами?

Храм

Стаканчики позвякивают на столе, репродуктор о чём-то хрипит с перерывами, народу в вагоне – Стайк да Паша.

«Воевали как нигде – зло и отчаянно, так и положено морякам. Ни немцы, которые враги, ни англичане, которые союзники, не могли ни понять, ни объяснить – почему, если в бой, то снять каску и надеть бескозырку, почему не жизнь свою спа-

сать, а кусок красной ткани, если она называется «флаг». Это у них: «война, войной, а обед по расписанию», а наши дрались не жрамши не спамши, в любое время и в любом месте.»

Отличник боевой и политической подготовки Стайк бодро рассказывает студенту Паше героическую историю края, шпарит и шпарит... как будто книжку читает.

«Англичане, согласно инструкции Британского адмиралтейства не отстаивали свои транспорты, а сами же топили их – «расстреливать и добивать все повреждённые противником транспортные суда».

Линкор

боевой корабль предназначался для ведения боя в линии баталии (отсюда название). Один из основных классов крупных надводных кораблей. Имел 70–150 орудий различного калибра (в т. ч. 8–12 орудий 280–457 мм) и 1500–2800 членов экипажа. После II-й мировой войны линкоры утратили значение.

Крейсер

плавать морем, крейсировать)

боевой надводный корабль, предназначенный для борьбы с лёгкими силами флота противника, обороны соединений боевых кораблей и конвоев, обеспечения высадки морских десантов, огневой поддержки приморских флангов сухопутных войск, постановки минных заграждений и выполнения др. боевых задач.

Эсминец

эскадренный миноносец)

класс боевых надводных кораблей. Появились накануне Первой мировой войны 1914–1918; предназначались для борьбы с миноносцами, ведения разведки, обороны линейных кораблей и крейсеров и для торпедных атак против крупных кораблей. Имели водоизмещение 1–1,5 тыс. т, скорость хода 35–36 узлов (64–66 км/ч), 8–12 торпедных аппаратов, 3–4 артиллерийских орудия 100–120 мм калибра. Во время II-й мировой войны 1939–1945 эскадренные миноносцы выполняли задачи по защите соединений крупных кораблей и конвоев транспортов от нападения лёгких (надводных) сил и самолётов, уничтожали подводные лодки, ставили минные заграждения.

Самая страшная трагедия постигла конвой PQ-17. 34 транспорта и 21 корабль эскорта шли под прикрытием двух линкоров, шести крейсеров, авианосца и девяти эсминцев.

Огромные силы! Но вот 5 июля англичане узнали, что в море вышла немецкая эскадра в составе линкоров «Тирпиц», «Адмирал Шпеер» и группы миноносцев. И Британское адмиралтейство сразу отозвало все свои корабли прикрытия, а транспортным судам предоставило «право самостоятельного плавания» в советские порты одиночным порядком, без охраны, курсами по своему усмотрению.»

– А что делают наши?

Стайк разгорячился! Глаза блестят! Плечи расправлены! На фоне солнца видно как изо рта вылетают капельки слюны... как взрывчики... эдакие...

Паша отвернулся что бы Стайк не увидел, что Паша видит эти слюны изо рта.

Конечно же, замечательный писатель Валентин Пикуль... Паша уже хотел спросить про источник информации, но посмотрев на рассказчика, не стал.

«Командование отдаёт приказ подводным лодкам, находящимся на позициях, следовать наперерез немецкой эскадре и атаковать! Ближе всех находилась лодка К-21 капитана 2-го ранга Н. А. Лунина. Полярный день! Штиль! Все как на ладони, но Лунин проникает в центр немецкой эскадры и атакует линкор «Тирпиц»! «Тирпиц» тонет и эскадра повернула к берегу. Одна подводная лодочка завернула эскадру, от которой бежали впятеро большие силы англичан!»

– А Лунин в суматохе преспокойненько «смылся» и получил Героя Советского Союза! эскадру-то он завернул, но защитит от самолётов и подлодок немецких, конечно не смог...

122 тысячи тонн груза на 23 кораблях и сотни людей... все на дно. Вот вам и англичане – властители морей. Кто сказал, что мы людьми задавили! Плюнь тому в рожу! У нас умнейших и талантливейших было, знаешь сколько!

«И на кой хрен столько людей здесь друг друга поубивали? – Подумал Павел в ответ на эту речь, и сам испугался вопросу. – Тысячи жизней за то, что бы я нажрался говна и блевал на этой Земле?»

«Откачка» заняла два дня в больнице, врач попался нормальный и в справке просто написал «пищевое отравление», что, впрочем, было правдой, а то, что этой пищей был самогон, можно и не сообщать. И зачем командованию эти медицинские тонкости? «Одно слово может изменить всю жизнь человека, одно единственное слово, конечно, это не та знаменитая запятая и перед вами не преступники, но «жить или умереть», кто может взять ответственность?» Врач молча слушал пламенную речь Стайка.

– Вы ещё Иисуса Христа вспомните, – сказал он.

Стайк как наткнулся на что-то, как будто дыхание сбилось...

– Ну да... Иисус. Христос учил, – Стайк обернулся к Паше, тот пожал плечами, Стайк перевёл взгляд на врача, – а что Иисус Христос?

– Да ничего, – улыбнулся врач, – вот ваши бумаги.

Паше вообще больничный лист выдали, поскольку он здесь в командировке, то есть на работе, к месту которой он добрался, опоздав на несколько дней.

Работа у него простая – «чего унести, чего принести», зато как красиво звучит – «экспедиция»! «Ты где летом был»? «В экспедиции»... Но сами геологи говорят: «В поле». А какое здесь поле? Здесь тундра, сопки, озёра, камни. Геолог, при котором Паша носит рюкзак, колотит эти камни молотком на длинной ручке, потом долго разглядывает свежий скол в толстое увеличительное стекло, потом бумажку напишет, в мешочек запихнет и Паше в рюкзак загрузит, а иногда уляжется на гладкий валун, уткнётся носом и смотрит, смотрит. Что он там ищет? Геолог улыбнулся: «Мы не ищем, мы изучаем, мы же академики».

– Да-а...? Вы академик?

– И ты академик.

– Я? Ну да, учусь в академии.

– А сейчас мы работаем в академическом институте. Так что ты дважды академик.

– ИГЭГЭДэ АНэ эССэСЭРэ. Институт геологии и геохронологии докембрия, кстати, а кто такой этот «докембрий» или что? – спросил Паша.

– Докембрий? Так называется геологический период развития Земли.

– И давно это было?

– Миллиард лет до нашей эры.

«Сколько, сколько»? – выпучил глаза Стайк, когда Паша рассказывал ему о своей работе.

– Ну, да, так геолог сказал.

– Боже мой! Миллиард!

– Ну да, он тогда закончился, а начался ещё за два миллиарда до того, то есть всего вроде как три получается.

– А чего вы тут ищите? – спросил Стайк.

– Мы не ищем, мы изучаем, – солидно ответил Павел, – он уже знал ответ.

– А чего тут изучать, камни и камни.

– Ну да, камни... мать их, – неожиданно разозлился Паша, – Колет их и колет, собирает и собирает, а мне тягать целый день, к вечеру еле прёшь, столько навалит.

– Ты чё, носильщик?

– Я коллектор.

– Как?

– Ну, так моя должность называется.

– «Коллектор» – это куда говно сливают?

– Ну, как бы да... хм, говно, у тебя всё – говно, наверное, есть и другое значение этого слова.

– Коллектор и коллектор, какое ещё значение?

– Ну, в библиотеке есть коллектор.

– Какой там, коллектор, там только полки с книгами.

Павел некоторое время молчит, потом, взглянув на Стайка, говорит:

– Это место где собраны сведения о книгах, которые есть в библиотеке. Я так понимаю, что моя должность – собиратель.

– И что же ты собираешь?

– Не знаю. Я целый день брожу по камням, пересекаю ручейки, поднимаюсь на сопки, смотрю оттуда на море...

Здесь удобные бухты для базирования военного флота и морской пехоты, замечательно безлюдное пространство камней, обрывов, скал и пропастей, ничем не покрытых, кроме мха и мелкого кустарника, гладко ошлифованные древним ледником долины речек, ручьев и озёр. Белые куропатки. Когда-то здесь была война. И с тех пор никого, только... патроны, пулемёты ручные, каски, иногда прямо с черепом... Долго и внимательно разглядывал когда один такой нашёл. Каска целая без дырок и вмятин, он тронул ее ручкой молотка геологического, и каска отвалилась от черепа. На черепе волосы, передние зубы сохранились, а на боковых – пломбы из тёмного металла. Немец. Русских подобрали, а эти так и остались лежать на скалах. Никто, кроме геологов не ходил здесь с самой войны... Люди строят дороги и передвигаются по ним от одного нужного им места до другого. Изредка они отходят от дороги на несколько метров, что бы устроить пикник или так просто, по естественной нужде. А когда-то здесь саамы пасли оленей, с которыми кочевали от края до края тундры. Олени любят мох ягель, мха здесь много, а оленей теперь мало. Все в Финляндии, Норвегии и Швеции, там, где в основном и сами саамы, или лопари, как их когда-то называли.

Саами – (лопари самоназвание саами), народ в северных районах Норвегии (30 тыс. человек), Швеции (15 тыс. человек), Финляндии (5 тыс. человек) и в России (2 тыс. человек). Язык саамский. Верующие саами в Скандинавии – лютеране, а в России – православные.

Православие «принёс» сюда на Печенгу некто Трифон в 1533 году, за что и прозван Трифоном Печенгским. Скитался он по саамским пастбищам и обращал их сердца к Богу. Так дошёл до Нявдемской губы, или Нейден-фьорда по-норвежски, где на западном берегу есть утёс Аккобафт. Собралось много народа, и кёбуны, это местные шаманы, приготовились сделать жертвоприношение из оленьего мяса. А преподобный Трифон поднял руку к утёсу и сотворил рукой крестное знаменье. Кёбуны обратились в каменя, а жертвы их – в прах, а

на красных скалах появился белый крест с темными полосами по границе белого и красного, прямо как датско-норвежский флаг... Крестил он лопарей в местной речке Паз, по-норвежски «Пасвик», по-фински «Патсойоки», а по-саамски она теперь называется «Бассай», что означает «святой».

Вместе с иеродиаконом Соловецкого монастыря Феодорием Трифон основал на Печенге монастырь, но ни Стайк, ни Павел ничего тогда не знали, ни про монастырь, ни про его историю, да и вообще...

Дом

После ареста Ванды тётя Надя взяла на себя опеку, представившись везде Елиной бабушкой. По возрасту она не очень подходила, маловато лет для бабушки, но по виду это была достаточно солидная женщина уже на склоне лет. Никаких особых бумаг подтверждающих родственные связи никто не требовал. У тётя Нади была своя дочь, Еля, конечно дружила с ней, но она не была близкой подругой, так, просто поиграть, побегать в компании. Кроме неё в компанию входили Сергей, Виталик и Максим. Они все были примерно одного возраста с разницей в один-два-три года. Никаких душевных тайн они друг другу не доверяли. Еля вообще никогда никому ничего не рассказывала о себе, о своих переживаниях, снах, видениях, но это не было шизофреническим раздвоением, просто есть мир, где есть все, так как они есть, и есть мир, который видит только она и где всё выглядит иначе, хотя и похоже на этот мир. В первое время тот мир выскакивал перед её внутренним взором совершенно неожиданно, потом она как-то раз поняла, что его появлению предшествует некоторое волнение, как трепет какой-то охватывает, и все цвета вдруг становятся ярче и насыщеннее. Один раз получилось, что она как бы одновременно видела и что прямо перед ней происходит и то пространство. Обретение нового видения совпало с приходом менструации. Вначале набухли груди, и было очень больно трогать эти места, а когда она как-то раз, во время игры с мальчишками, наткнулась на чьи-то вытянутые руки, то испытала невероятную боль, которая отозвалась где-то внизу живота, родив новую боль. Она ушла домой, легла на кресло, закрыла глаза, возникла арена, на арене фигура женщины, но не та, которая была в первый раз, а совершенно другая. Еля подумала, что это мама, женщина повернулась и молча посмотрела не неё. «Ты стала взрослой», – Еля открыла глаза в надежде увидеть того, кто сказал эти, так ясно прозвучавшие слова, но никого в комнате не было, и в этот же миг она поняла, что одновременно она как бы видит и комнату, и женщину на арене, и ещё кто-то появился. Она хотела получше разглядеть, но чем сильнее она хотела это сделать, тем темнее становилось на арене, и всё больше болел живот, а потом картинка исчезла, оставив боль. Некоторое время она собирала в единую цепь разрозненные сведения о том, что с другими девочками её возраста, как оказалось, происходило уже давно и служило некоторым мериллом взрослости. Она никому не сказала, что у неё всё так поздно и с тоской ожидала этих дней, горестно размышляя над бессмысленностью происходящего с её телом процесса, во время которого она ощутила себя курицей, но курицы несли свои яйца в оболочке, а у неё всё вываливалось в сортир. Процесс сопровождался множеством гигиенических проблем: кровь, сгустки плоти, грязные куски ткани, которые необходимо где-то стирать, сушить... и запах, иногда весьма неприятный. Ей всегда было очень беспокойно и нервно до «того», очень дискомфортно во время «того» и всегда спокойно и радостно, после того как всё заканчивалось: первая неделя была самая замечательная, она ни о чём не помнила, ни о чём не тревожилась, ничего не боялась, к середине второй где-то на краю сознания появлялась тревожная мысль, что «вот уже скоро», перед началом её буквально всю трясло, а когда это начиналось, то первые два дня она вообще старалась не двигаться. Постепенно острота переживаний снизилась, она привыкла жить в такой периодичности, но неизбежность наступления этих ощущений приводила в уныние, принося боль, теснившую грудь, и ничем не объяснимую печаль. В эти минуты все чувства замирали, ничего не радовало, наступала депрессия. Каждый месяц, потом в два месяца три раза, потом четыре, потом уже без какой-либо периодичности, вне зависимости от внешних причин. Еля перестала ходить играть на улице, сидела на любимом кресле, вначале в эти периоды пыталась что-то читать, или вязать крючком или вышивать крестиком, как когда-то научила её мама, но потом даже книжку перестала брать. Долго лежала утром в постели, если не могла преодолеть себя и встать, то сказывалась больной, и действительно, у неё поднималась температура, тётя Надя вызывала врача, врач смотрел, говорил лас-

ковые слова и прописывал сладкую микстуру. Заболевала примерно раз в месяц, потом чаще, а потом и вообще отказалась вставать с постели.

Тётя Надя ухаживала за ней, утром и вечером помогала мыться, принося тазик и осторожно поливая на руки из кувшина, подавала горшок, а когда Еля даже на горшок перестала вставать, тётя Надя принесла стеклянный бледнозеленоватый сосуд, общими очертаниями похожий на толстую утку с длинной широкой шеей, но без головы. Тётя Надя вытащила сосуд из сумки, повертела в руках, потом откинула одеяло и попыталась пристроить его к необходимому месту. Еля спокойно воспринимала эти манипуляции – ей было безразлично.

Тётя Надя положила утку на табуретку рядом с кроватью, а сама села в кресло.

Ей вспомнилась деревня, дом, дорожка от дома к реке, лодки на берегу.

Дом построили, когда ей было чуть больше шести лет. Всё сделали за один месяц. Как-то летом, примерно во второй половине июня, пришли мужики из их деревни и несколько из соседней и стали топорами тюкать брёвна, которые были завезены ещё зимой. Отец за день до этого обошёл со всей семьёй место и показал на четыре здоровых камня, на которых, как он сказал, они скоро будут жить. Надя уставилась на один, потом тронула пальчиком камень и тихо спросила у мамы: «Как же нам тут поместиться»? Мама засмеялась и сказала, что скоро она сама увидит.

Мужики тюкали и тюкали день за днём, потом папа с мамой и детьми съездили на болото и надёргали целый воз мха, а потом вдруг появился дом. Сколько дней мужики работали, столько дней мама, мамина сестра и некоторые соседские женщины готовили угощенья. В это же время в деревне жили приезжие из Петербурга, которые ходили по деревенским домам и расспрашивали о том кто как живёт, покупали посуду, одежду. Они и к ним приходили, наблюдали за работой мужиков, просили женщин песни спеть, пробовали угощенья, раздавали детям сладости, а мужикам водку. Папа ругался и прогонял их, потому что мужики после выпивки уже топорами не тюкали и бревна не ворочали. А как-то раз он одного городского «профессора» крепко поколотил, а тот поначалу стал жаловаться деревенскому начальству, но когда ему втолковали в чём было дело, почему Надин папа так рассердился на него, то он долго всячески извинялся.

Поскольку женщины в деревне под широкими длинными юбками не носили нижнего белья, то есть трусов, то могли справить малую нужду просто расставив ноги и слегка присев. Конечно же, не прямо на дороге, в общем идёт Надина мама на речку полоскать бельё, а по пути как раз и решила в сторонку отойти. А в тот момент откуда-то появился «профессор» и стал расспрашивать маму о чём-то. Мама отворачивается от него, а

он заходит так, чтобы видеть её лицо, мама снова отворачивается, а он вежливо, но настойчиво продолжает спрашивать. Хоть и далеко, но деревенские мужики видят, хохочут и пальцем тычут, а «профессор» не понимает, почему мама отворачивается и продолжает что-то ей втолковывать. Тогда папа подбежал и врзал ему пару раз – не лезь к моей бабе, а тот «с катушек долой».

Глядя на светлозеленоватую безголовую стеклянную утку тётя Надя рассказала эту историю Еле, и Еля вдруг засмеялась, потом приподнялась на локтях, потом села на кровати... оглядела комнату, посмотрела на тётю Надю, грустно улыбнулась и встала на ноги.

– Это, похоже, не для нас, а для мужиков, – сказала тётя Надя и спрятала утку в сумку.

Через неделю Еля снова пошла в школу.

Ежемесячная печаль прошла, но «арена» осталась. Поначалу Еля воспринимала происходящее на «арене» как шарады и пыталась понять их тайный смысл, но всегда получалось, подобно первому появлению «арены» – Еля видела и понимала то, что хотела видеть и понимать, но истинное значение как будто ускользало.

Однажды на ней кружился паренёк в чудной одежде – как дервиш или как замороженный скопец медленно и неуклонно вращался он в самозабвенном танце и все кисточки, тряпочки,

звериные хвостики и лапки, составляющие элементы его одежды, кружились вслед за ним, сливаясь в странную фигуру, увенчанную массивной широкой шапкой отороченной пышной меховой шкурой лисы. И вдруг он остановился с широко раскинутыми руками, как бы обнимая ими всё пространство перед собой, и Еля почувствовала тепло этого объятия, и ей всё стало ясно и понятно – ни разгадывать, ни выдумывать ничего не надо. Это как воздух, как дерево за окном, как облака, как зелёная трава летом, как снег зимой, как крики чаек, как... всё, что приходит и уходит без слов. И тогда же она поняла: не надо ни обсуждать, ни рассказывать кому-то, когда-то всё произойдёт само собой – придут и те, у кого надо узнать и те, кому надо сказать.

**Кто имеет ухо, да слышит,
И слышавший да скажет прииди!
И жаждущий пусть приходит,
и желающий пусть берет воду жизни даром.**

Трасса

Скорость всё ниже, машин всё больше...

Павел первым оценил обстановку:

– Судя по всему, приехали...

– Да, похоже, так...

И вдруг оглушительный рёв автомобильного сигнала!!!!!!

– Блядь, прости Господи! – заорал Стайк, – каждый раз сам пугаюсь! Кнопка сигнала такая нежная – чуть заденешь и...!

– Гром небесный! Архангелы поют! Поп матерится!

– Да какие, нахрен, архангелы... кто-то в автосервисе решил сделать батюшке приятное – поставил это чудище – не то сирена, не то спецсигнал, не то...

– Глас Господен!

– Да уж... очччччень специфично!

Их догоняет джип, который некоторое время назад стоял на дороге... вот они поравнялись... о. Геннадий приветливо машет рукой... На этот раз его заметили. И женщина, и мужчина за рулём... Мужчина берет в руки мобильник, показывает его о. Геннадия и приглашает того поговорить... Звонок... мелодия псалма «Свят, свят Савооф». О. Геннадий достаёт телефон...

– Здравствуйте святой отец.

– Спаси Боже!

– Надеюсь, больше некому. Кажется, мы с Вами застряли.

О. Геннадий крестится. Павел с интересом наблюдает за их разговором, ему виден и тот и другой.

– Вот, отец Геннадий, едем в «Зенту» затариваться на предстоящие праздники, можно бы и просто все заказать, но я люблю лично присутствовать, да и вообще...

– А мы с художником, Павел его зовут, едем в город в ГИОП, храм наш ведь под охраной государства...

– А в храме была какая-то уникальная роспись?

– Нет, обычная роспись даже не фрески.

– А зачем тогда в ГИОП с художником, впрочем, извините, это я по привычке во всё свой нос совать.

– Нормально.

– Смотрю, долго нам тут торчать придётся, но мы, пожалуй, пойдём своим путём. Приходите в гости отец Геннадий, а может и вы с нами шопинг совершите?

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, с благодарностью приму приглашение...

– Ну, успехов вам, мы поехали.

– Спаси Господи...

О. Геннадий отключает телефон. Пытается понять куда собрался ехать его собеседник... везде машины, от левого ряда до правого ни одного просвета.

– А куда же он собрался ехать... интересно...

Джип поворачивает прямо на разделительный газон, легко преодолевает поребрик и неторопливо едет на другую сторону шоссе, там так же спокойно пересекает его по диагонали и выезжает на обочину встречного движения, по которой и мчится вперёд.

Художник смеётся глядя на этот манёвр. Посматривает на о. Геннадия, но тот невозмутим – ни одобрения, ни порицания.

– Ну, раз внедорожник, значит – вне дорог, – весело комментирует он движения джипа. Этот манёвр видят и пассажиры девятки.

– Опаздываем, уже опаздываем, – низким голосом говорит пассажир на переднем сиденье.

– Мы в двух шагах, – отвечает водитель-весельчак.

– Так шагни их! Черт тебя дери!..

С заднего сиденья голос подаёт женщина:

– Глянь, как на джипе рассекает. А мы так?

– А мы так не можем.

– А чего ж?

– Клининг маловат, – мужской голос пассажира на заднем сидении, справа по ходу.

– Что маловат? это же у баб! – реагирует тот, что слева.

Женщина бьёт его по голове.

– Придурок!

– Не клининг, а клиринг, это величина дорожного просвета машины, то есть, на сколько она высоко над дорогой на колёсах стоит, – поясняет тот, что слева.

– Ты бы помолчал, он сейчас ещё что-нибудь спросит...

– Она же машина, что у неё стоять может, она даже не баба...

Веселье прерывает пассажир переднего сиденья.

– А ну заткнулись! Грамотеи... клиренс это...

Все резко замолчали. Как будто никто и не смеялся.

Пробка образовалась перед постом ДПС. Широкое шоссе в четыре полосы здесь сужается заграждениями до полутора полос, то есть один грузовик или две легковые могут проехать...

Девятка стоит довольно далеко, в средней полосе, автомобили двигаются, но очень медленно...

– Давай по обочине, – командует пассажир на переднем сиденье.

Девятка смещается вправо к обочине, через некоторое время ей это удаётся и она мчится... рискованно, едва не сваливаясь в кювет.

А джип уже свернул с обочины и прёт прямо по полю, через канавы и бугры, по стройплощадке... пересекает подъездные пути и благополучно въезжает на парковку торгового центра.

Дом

Пекка Хямялайнен, после того как он узнал, что милиция, как теперь стала называться полиция, в переводе и по смыслу означает «вооружённый народ» в отличие от полиции, что понимается как «вооружённое государство», как-то заволновался. А поведал ему об этом сосланный в Олонецкую губернию под надзор полиции революционно настроенный питерский студент Боря Фурманов, на самом деле не Боря, а Борух бен Мордехай бен Лазар бен Ицхак бен Борух бен Боас... каждый «бен» означает «сын» – вся родословная в одном имени. Всего, отец Боруха, Мордехай, по-русски Миша, насчитал 12 имён, проследив свою родословную на 300 лет,... но вот уже второе поколение, «в миру» они носили фамилию Фурмановых, поскольку дед, «ман», имел повозку, «фуру» и был её извозчиком, то есть фурманом. Дед вовремя стал православным христианином и теперь у него уже не одна и не две повозки, и семья бывшего возчика очень даже не бедна, и Боренька Фурманов чуть было не стал юристом во втором поколении. Но! Вековая мечта еврейского народа о свободе сыграла злую шутку – и он вышел на путь «борьбы за...» и оказался так «далеко от...» родного дома, доброй маменьки, славных «друзей по партии», вкуснейших пирожков, замечательной фаршированной рыбки... и курочки кошерной.

Кошерная еда, – та, которая отвечает требованиям кашрута – еврейских законов об употреблении пищи. «Кашрут» – пригодность к употреблению в пищу. В пищу можно употреблять только тех четвероногих животных, которые являются жвачными и имеют раздвоенные копыта, свинья исключена, поскольку не жвачное. Рыба только с чешуёй и плавниками; моллюски и ракообразные запрещены. птицы, запрещённые к употреблению в пищу, перечислены в Библии поимённо. Молоко, яйца, икра не кошерных животных, птиц и рыб также запрещены, как и любое блюдо, в которое в процессе приготовления попала не кошерная пища. Используемые в пищу животные – четвероногие и птицы – должны быть забиты в соответствии с ритуальными предписаниями специально подготовленным «резником», «шохетом». Для удаления крови мясо вымачивается, солится и промывается водой. Мясо и мясные продукты нельзя есть вместе с молоком или молочными продуктами, даже посуду из под молока нельзя использовать, например в кастрюльку налили молоко... и всё, супчик мясной в ней уже НИКОГДА не сваришь.

Ну и вот, небедные родители, который год присылают ссыльному Бореньке денег на аренду дома из нескольких комнат, кухарку и прислугу... Прислужкой устроилась сестра жены Пекки, которая при удобном случае порекомендовала хозяину работающего родственника.

Боря называл Пекку на русский лад Пекой, т. е. без этого длинного «кккка», а Пекка его звал, на датско-норвежско-шведско-финский лад Бо. «Как тебя зовут»? – спросил Пекка при первой встрече. «Борис», – ответил Боря, мягко ударяя на первый слог и сглатывая второй... за счет мягкого гортанного «ррррр». Так он и стал для Пекки Бо, что означало «для жизни, что бы жить». Ни Пекка, ни Борух ничего о таком значении не знали. А вот про самого Пеку Бо ему рассказал, что Пека – это по-русски Пётр, что происходит от греческого Петрос, что значит «каменная глыба». А про милицию и полицию у него получилось так: милиция – это от латинского *milis* что значит – тысяча, а *polis* – город, и так получается, что тысяча с оружием в руках – это вооружённый народ, а вооружённый город – это государство, потому как в Римской империи города были государствами... А законы у нас и всё остальное от римского права, ещё от первого Рима, потом был второй Рим – Визант и Византия, а теперь скоро будет третий Рим. Боря учился... не так давно...

Пекка приходит в дом, приносит молоко, творог, сметану, сметана была особо хороша, потом он заглядывает к дочери, молча кивает, осматривая как бы невзначай комнатку, потом идёт к сестре жены и спрашивает про работу на сегодня, потом идёт к Хозяину обсудить детали. Бо подробно рассказывает, что надо, Пекка внимательно выслушивает, и идёт исполнять задание.... Чаще всего это уборка улицы возле дома. Весной и летом два-три раза в неделю Пекка собирался на рыбалку. Он оборудовал в нескольких местах на озерах небольшие домики, в которых была печь, лежанка, от берега шли мостки, здесь можно было причалить в любую погоду. Возле домика очаг, стол и сиденья под навесом. Домиками этими мог воспользоваться любой желающий без какого-либо особого разрешения, однако каждый рыбак предварительно узнавал – не собирается ли туда Пекка.

Домики Пекка соорудил летом – осенью 1915 года, они провели здесь много времени...

Пламенный «революционер» Борух-Борис-Бо полюбил рыбалку, ему нравилось рассказывать этому уже не молодому, но и не старому финну о «свободе, равенстве и братстве», ему очень нравилась его дочь, у него были проблемы с товарищами по партии и он не очень торопился возвращаться в Питер... Борух-Борис-Бо начинает говорить, Пекка внимательно слушает, если тема интересует, он продолжает слушать, если нет, просто делает то, что делал, перед тем, как Борух-Борис-Бо начинал о чём-нибудь говорить.

– Счастье – это единственное, что нужно человеку, но как быть счастливым в этом мире, если он так несправедлив? Почему одни живут в полном достатке, одеты, обуты, у них каждый день еда на столе, а другие, те, кто всё это производит, ничего этого не имеют? Почему?

Пекка молчит.

– Почему кто-то рождается на этой земле богатым, а кто-то бедным? Разве тот, кто беден не такой же человек? Разве у него меньше прав на жизнь?

Пекка молчит.

– Разве, например, русский или немец, или швед появляются на свет каким-то другим путём, кроме того, каким появляется, например, финн, карел или еврей?

«Я тебе спою», – говорит Пекка.

**Miks leivo lenntä Suomehen
sa varhain kevähällä,
et viihdy lintu riemuinen,
sä maalla lämpimällä?**

**Miks äänes koreasti soi
vain Suomen taivaan alla,
ja vaikka puut ne vihannoi,
sä lennät korkealla?**

**«Sen tähden Suomen kiiruhdan
ja lennän korkealla,
kun tahdot nähdä kauneimman
mä rannan taivaan alla.»**

**«Ja senpä vuoksi laulan ma,
kun kannel täällä soipi;
ei missään niin voi riemuita,
kuin Suomessa vain voipi.»**

**Весёлый жаворонок мой,
мир ярок и огромен,
зачем же раннею весной
сюда летишь, в Суоми?**

**И песни звонкие слышны
под финским небом бледным,
и хоть деревья зелены,
стремишься в высь победно?**

**«Ты сам поймёшь причину ту:
я здесь так долго не был.
Так чудно видеть красоту
под самым краем неба».**

**«Ты кантеле настроил петь
о жизни в милом доме!
Мне радостно летать и петь
в моей родной Суоми!»**

– Что это, – спросил Борис.

– Песня, – ответил Пекка, – и помолчав добавил, – финская.

– О чем она?

– Ну... как хорошо жить... в Суоми.

Пекка длинной палкой пошевелил дрова в костре, затем встал и ушёл к лодке...

К весне следующего года оба рыбака оказались на фронтах борьбы за свободу и равенство Финляндии. Борух-Борис-Бо стал комиссаром, а Пекка зимой подался с частями «красных финнов» делать революцию в угнетённой Финляндии. Но шведско-русский финн Карл Густав эмиль фон Маннергейм смешал все их и его планы и Пекка оказался в маленьком городке, почти посёлке, под названием Ухта, который на несколько лет стал центром борьбы «за исконно финские земли» карелов и финнов... Теперь это Калевала, всё так же небольшой посёлок-городок, центр национального района, а тогда...

Красные финны пошли убивать финнов белых...

Пришли белые финны – убили красных финнов...

Русские пришли – убили белых финнов и всех, «которые против революции»...

Финны пришли – убили русских, которые за революцию... просто русских... и заодно карелов, которые «красным помогали»...

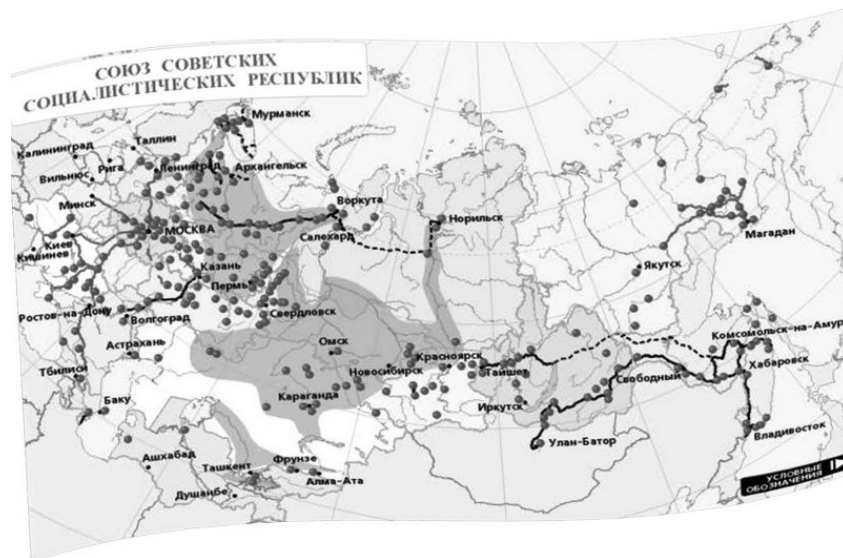
Русские вернулись – убили всех белых финнов, которые не успели убежать от них... заодно русских «недобитых буржуев и их приспешников», а также много карелов – «говорят как финны и к революции недоверчиво отнеслись»...

«...баба страшная, вся в стружьях, из носа слизь, глаза тёмные, рот гнилой... И все вокруг неё ходят на неё не смотрят, но слушают что она говорит и делают – прут железный в глаз... ногу, руку оторвать, живот вскрыть, яйца мужику отрезать, грудь женщине проткнуть..., и лицо детское... И рубили лесорубы, и зарывали живых землекопы, и втыкали вилы хлеборобы... много народу всякого вокруг лежало и птицы глаза клевали, и лисы носы грызли, а она везде попевает... никто её не видит и ещё больше звереют, она молчит уже, и только кровью, как яблоко соком на солнце, наливается...»

И было всё это «гражданской войной», и увела она с собой мёртвыми почти миллион братьев и сестёр, в живых оставив кого калеками, кого разлучёнными, но много, много больше душ изувечила, да так, что уже никогда не быть им чистыми... до десятого колена...»

«Вот, это моя Калевала... – тихо сказала Лотта и продолжила уже еле слышно, – папу арестовали сначала белые за то, что был красным, потом пришли красные, освободили, но потом арестовали за то, что был у белых, но потом папу отпустили... Борис хлопотал. В общем женился он тогда на мне, а Хелми в 22-м году ушла в Финляндию во время «жирного» восстания. Тот, кто кричал о восстании, стоял на бочке с жиром... всего четыре дня «восставали», наверное сами красные и сделали это восстание – потом всех восстававших поубивали да по тюрьмам... уже и восставать было некому.

Папу снова арестовали в 34-ом, Боря опять хлопотал..., но теперь и его забрали... Во время «войны продолжения» мы с мамой и дочерью остались, честно говоря, – шепчет Лотта прямо в самое ухо, – думали, что советам крышка... что будет здесь Суоми, то есть Финляндия. Город по-фински назвали Äänislinna, «Онежская крепость», мы-то называем Petroskoi, это по-карельски. Хелми вернулась из Финляндии с войсками, она была старшей в местной женской организации, меня тоже приняли, была и форма и значок маленький красивый с белой надписью «lotta-svard» на синей свастике, по-нашему «хакаристи»... Нашли этот значок... За него и отсидела почти десять лет... в лагерях. Мы должны были уйти вместе с нашими, но я заболела, лежала в беспомощности... А свастика... свастика у нас ещё в гражданскую войну появилась, немцы уже потом стали её носить... Хелми опять ушла в Финляндию, вот хочу повидаться с ней. Страшно, конечно, но Хелми – всё, что есть родного в жизни – папа в лагере погиб, ещё до войны, дочь после войны и лагерей найти не могу, мы ей фамилию при переезде из Ухты сменили, наверное где-то по детским домам затерялась... Борю расстреляли когда и папу забрали, мама тоже умерла, а я вот здесь... Хелми остановится в «Астории». это специально для иностранцев гостиница...

*«Не знаю,
может быть опять арестуют
Бескрайняя страна...
как мало места
для нас...»*

Они доехали до Ленинграда, вышли на перрон, попрощались... так и не узнали, что родственники, хотя и дальние.

Когда Борю Фурманова сослали в Петрозаводск, квартиру ему нашла Ванда через свою маму, которая была сестрой мамы Лотты, которая в свою очередь была двоюродной сестрой Нади, приехавшей обживать дом на побережье Финского залива Балтийского моря.

Елизавета Карповна вроде как бы заснула... Она смотрит – дышит бабуля? Едва заметное движение... в ответ и бабушка открывает глаза.

– В чём дело? – спрашивает она.

– Ты заснула!

– Нет, – говорит Елизавета Карповна, – маму вспомнила. Очень мне её не хватает... всю жизнь. Бестужевка! Многих из них знала, расспрашивала о ней. Но давно. Всё уже поумерали. Последняя моя собеседница... все они уже ста-а-арые были, как я теперь...

– Это про кого?

– Звали её... звали... Вера... Вера Акинфиевна... как замечательно говорили с той старушкой...

С.-Петербургского Философского общества.

В 1903 г. совместно с З. К. Столица она открыла в С.-Петербурге «Философские курсы», расположенные на ул. Глинки, в доме № 6. По их замыслу Курсы должны были способствовать «построению общего философского и педагогического мировоззрения». Достичь этого предполагалось посредством лекций и семинарских занятий, которые начинались в 7 вечера.

Вера Акинфиевна читала курс «Введение в философию»: Предмет философии.

Требования, предъявляемые к науке вообще.

Отвечает ли этим требованиям философия?

Философия как наука.

Отличие философии от других наук и её к ним отношение.

Действующие и конечные причины (созерцание, объяснение, описание, оценка). Необходимость анализа сознания для выяснения сущности философии.

Философия – мировоззрение и философия – наука наук.

Обширность и трудность задачи, но возможность её выполнения.

Значение изучения философии: теоретическое и практическое.

Особая необходимость изучения философии при существующей дезинтеграции. Задачи самообразования и задачи философии.

Их совпадение.

Разбор нападок на ненужность изучения философии.

Гипотезы и их значение.

Статика и динамика философских проблем.

Появление новых задач при условии вечно развивающейся человеческой мысли. Отношение к философии в прошлом и настоящем.

Необходимость исторического и систематического изучения философии.

Задача курса «Введение в философию».

Части философии.

Их отношение друг к другу.

Философия и метафизика.

Философия и религия, их взаимоотношения.

Психология, логика и практическая необходимость религиозного творчества. Доказательство наличности этого творчества историей философии.

Современный прагматизм.

Особый характер философии Вл. Соловьёва.

Религиозно-философские течения.

Философско-религиозный характер русской литературы и публицистики.

Философия и педагогика.

Особое значение философии для настоящей и будущей «реформирующей жизнь новой педагогики».

Взаимоотношение общей и экспериментальной психологии.

Метафизика и опытная психология.

Прагматизм и психологизм (волютаризм, интеллектуализм, сенсуализм) прошлого и нового времени.

Проблема духа и материи, как задача философии.

Особое значение идеалистического мировоззрения.

Разбор аргументов противников идеализма.

Значение проблемы духа и материи для психологии.

Главнейшие философские течения сквозь призму исторического освещения: древнегреческая философия (Фалес, софисты, Сократ, Платон, Аристотель); эллино-римский период; средневековая философия; философия Нового времени – эмпиризм (Бэкон, Локк, Беркли, Юм), рационализм (Декарт, Спиноза, Мальбранш, Лейбниц, Вольф); новейшая философия (Кант); философия XIX в.

(Фихте, Шеллинг, Гегель, Ницше).

Сравнительная оценка западно-европейской и русской философии.

Особый характер русской философии.

Прошлое, настоящее и возможное будущее философии.

Задачи русской философии...».

«Боже, боже, боже»,

– прошептала старушка закрыв глаза.

Трасса

Джип Сидельникова въезжает на парковку возле большого торгового центра.

Из машины выскальзывает женщина с туманным взглядом, грузно вываливается с водительского места Сидельников и бодро выскакивает охранник из задней боковой двери. Охранник осматривает как бы вскользь обстановку вокруг машины...

Трое парней в простенькой одежде незаметного вида переглянулись и быстро разошлись... Тёмно-синий микроавтобус с тёмными стёклами.

Женщина оглядывается в поисках тележки...

– Охранник Виктор, – обращается она к охраннику, – тележечку подкати...

Охранник Виктор отрицательно качает головой.

– Нет, руки должны быть свободны.

– А вот охранник Гоша катал, и ничего.

Муж гудит сильным, низким голосом:

– Оставь человека, он на работе, корзину сюда.

За ними в некотором отдалении идёт парень, один из тех троих на парковке.

Охранник Виктор что-то говорит хозяину, тот внимательно слушает, затем согласно кивает и жестом подзывает жену:

– Котёночек, сейчас мы сделаем так: ты от меня не отстаёшь и никуда не забегаешь. Вот так и отправимся в путешествие по этому прекрасному пространству...

Штаб

Из материалов уголовного дела

«Небольшая группа террористов, человек 10–15, торговый центр, никаких особых требований политического характера у них нет, ну может что-то и привлечь для отвода глаз, например какое-нибудь событие на Ближнем Востоке, или если американцы опять какую-нибудь войну местного значения начнут, или убьют кого-нибудь, типа президента какой-нибудь «враждебной» им страны, но постепенно выясняется, что они готовы поменять всех заложников на крупную сумму денег и что им надо предоставить беспрепятственный выезд как раз в ту «недружественную страну», с которой у американцев недружественные отношения.

Захват тщательно подготовлен, всё продумано до мелочей, группа разделена на несколько подгрупп по два человека, максимум – 3, каждая из подгрупп ничего не знает о конкретных планах других групп, даже участников не знает, но у них будут некие «отличительные знаки», которые станут известны в самый последний момент перед захватом. Они будут хорошо вооружены, с хорошим запасом боеприпасов...»

Из оперативного донесения

Сведения получены давно, но... до сегодняшнего дня не было известно «где и когда», но... подготовка развёрнута полная и масштабная! Появилась реальная ситуация, в которой все силовые структуры смогут продемонстрировать уровень взаимодействия. Всё имеет значение.

Создан оперативный штаб, которым руководит Генерал...

«Есть такая работа – Родину защищать...»

«За хорошие деньги – хорошо защитим».

Как это? За деньги жизнь отдать?

«Хорошим ментам – хорошие гробы, плохим – плохие», – вот и вся идеология. Хотя... гроб он и есть гроб, какая разница в каком для лежащего в нём... м.

Генералу, конечно же, хороший гроб.

В детстве, может классе в шестом, Генерал увидел замечательный фильм «Дело Румянцева» про то как замечательный простой парень Румянцев не по своей вине, а выручая товарища, попал в нехорошую историю и был обвинён нехорошим и противным на вид следователем как соучастник преступления, но... хороший, мужественный полковник милиции, между прочим начальник того корявого, разглядел в нём человека, а не «тамбовского волка». Последний мент-романтик, это так он о себе, но не для всех. Да уже и не для кого. Был друг, с которым можно говорить как с самим собой... Жена? Встретить в жизни «боевую подругу», которая «и-в-огонь-и-в-воду-с-тобой»... кино! Жена – есть жена. Тут даже обсуждать нечего. Впрочем... эх, романтики.

Ни ментом, ни офицером, ни моряком, ни спасателем, ни геологом, ни... да никем не стать мужчине без жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.